

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.27

Р. Н. ЛАБИКОВА

Омский государственный
педагогический университет,
филиал в г. Таре

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА

В статье рассмотрены подходы к письменному источнику как информационному объекту для исследования через призму историко-лингвистического анализа. Прочтение текста современным исследователем может быть глубоким, если будет учтена не только поверхностная, открытая информация, подаваемая в источнике, но и скрытая, отражающая мышление и самосознание человека.

Ключевые слова: историко-лингвистический анализ, комплексное привлечение источников, информационное поле источника.

Как известно, история всегда отождествляется с подлинностью, истинностью каких-либо событий и фактов. Историческое событие как совокупность объективно существующих фактов фиксируется неким субъектом в каком-либо историческом источнике. Данный процесс предназначается для передачи информации читателям. И читатель, получив информацию из письменного источника, формирует собственное представление относительно описанного в источнике сообщения.

В данной статье мы рассмотрим письменный источник с точки зрения историко-лингвистического анализа, увидим его не только как документ, являющийся свидетелем исторического движения определен-

ного времени и отражающий его специфику в письменном памятнике, но и отметим его семантическую составляющую, рассмотрим, как в нем отражается мышление и самосознание людей, его создававших. Такой подход, думается, будет оправдан, так как, прикасаясь к источнику, исследователь-историк прежде всего получает сведения через языковую информацию. В первую очередь язык отражает мировоззрение народа, зафиксированное в знаковой форме, а уже потом он обращается к лексическому пласту источника.

Обзор научной литературы [Можаева Г.В., 1997, Мишанкина Н.А. 2000, Баранова А.Н. 2001], освещающей источники с позиций, близких нашему исследованию, свидетельствует о том, что такой подход

к изучению источников является новым и оригинальным. Нестандартность работы видится в смещении фокуса исследования исторического источника в область его информационного потенциала, в попытке объединения исторических и лингвистических методов исследования для выявления всех видов информации, содержащейся в тексте. Ведь исторический источник, в первую очередь, является носителем сообщения, и это сообщение репрезентируется посредством языка. Через язык фиксируется фрагмент объективной действительности, фрагмент картины мира. И исследователь, историк в нашем случае, получая языковую информацию, осмысливает ее как источник исторической информации. Отсюда, исторический источник является единым информационным объектом для исследователей, демонстрируя собой яркий образец сближения и совместного рассмотрения информационного пространства.

Конечно, тут многое зависит от языкового чутья исследователя, от умения почувствовать ту тонкую грань, которая присутствует при формировании значения слова, при создании более четкой, верной интерпретации, от его умения вникнуть в суть информации исторического памятника. Смысловые компоненты, которые входят в ядро значения слов и выражений и попадают в фокус внимания говорящих [1], могут не реализоваться. Интуиция историка, сохранение языковой традиции будут способствовать тому, что предыдущий исторический этап, зафиксированный в источнике, он сможет ясно осмыслить. Опора на имеющийся в обществе исторический и языковой опыт, опора на понимание всего процесса развития, опора на связи с другими, более высокими этапами развития языка будут способствовать наиболее полному отражению семантической картины. Здесь происходит движение мысли исследователя от современности к прошлому, от сложившегося в наши дни к изучению элементов старого, к реконструкции былого и определенной адаптации к современности. Такая ретроспекция с основой на более высокую ступень развития, помогает пониманию и оценке предыдущей эпохи. Отсюда при источниковедческом анализе древнерусских текстов правомерно, в первую очередь, обращение к языку источника как интерпретатору исторической информации. Язык отражает мировоззрение народа, и это мировоззрение, через интерпретацию индивидом, зафиксировано в письменном памятнике.

Поскольку каждый исторический источник представляет собой источник языковой информации, стоит отметить один немаловажный факт. Языковая информационная составляющая источника тоже не монолитна. Дескриптивная природа языка позволяет создавать разные модели описания объектов материального мира, что приводит к разным способам оформления представленной информации. Кроме сообщения, которое мы получаем через языковую информацию, непосредственно изучая текст, кроме информации, которая открыта и находится «на поверхности» источника, в исторических памятниках еще немало скрытой информации, внешне не проявляющейся, не зафиксированной в знаковом виде внутренней информации, выявляющейся лишь при углубленном внутреннем анализе языкового материала. Первый вид информации объективен, он связан с восприятием объективного мира, с восприятием внешней среды, второй вид информации идет от субъекта речи, он более индивидуален, и связан с внутренним пониманием сообщения [см.: Арутюнова 1990, Зализняк 2004, Лакофф 1995, Степанов 1995 и др.].

Получается, что информационное поле источника состоит из двух плоскостей: большого внешнего информационного поля и не менее большого внутреннего информационного поля. И только через основательный обзор всего информационного потенциала языка источника может быть полностью выявлено содержание письменного памятника, что поможет представить в полном объеме его историческое пространство, историческую эпоху, отметить исторический колорит.

Данных результатов для выявления открытой и скрытой информации источников можно добиться, применяя разные методы, среди которых метод ретроспекции и комплексный по своей сути более емкий метод информационного подхода к разным жанрово-стилистическим группам, ко всему корпусу исторических источников. Он, думается, будет доминирующим при анализе семантической структуры текста.

Обратимся к историко-лингвистическому анализу письменных текстов на примере интерпретации памятников русской письменности XVII в.

Анализируя труды ученых, изучавших источники XVII в., мы столкнулись с таким фактом: большая часть из них посвящена исследованию материалов документально-делового характера [Абрамова 1974, Волков 1970 и др.]. Отчасти это объяснимо, так как документальный язык более всего был подвержен семантическим изменениям. Тесно связанный с народно-разговорной речью, он быстрее всего способствовал закреплению в языке различного рода штампов, шаблонов, здесь появлялись предпосылки к утверждению в нем традиционных формул, оборотов, словосочетаний. Не без основания существует мнение, что приказно-деловой язык является одним из воздействующих стилей языка XVII в. [2]. Однако в информационном пространстве незаслуженно в стороне оставались другие источники этого времени, сохранившие иные стили древнерусской письменности, отражавшие разнообразие языковых процессов, характерных для XVII в.: летописно-хроникальный, светский, переводной, церковно-книжный и др. Каждый из них по-своему фиксировал языковое своеобразие. Известно замечание А.Н.Толстого, изучавшего судебные очерки во время работы над романом «Петр I». «Дьяки и подьячие Московской Руси искусно записывали показания, их задачей было сжато и точно, сохраняя все особенности речи пытаемого, передать его рассказ. Задача своего рода литературная... Это был язык, на котором говорили русские лет уже тысячу, но никто никогда не писал... В судебных (пыточных) актах — язык дела, там не гнушались «подлой» речью, там рассказывала, стонала, лгала, вопила от боли и страха народная Русь. Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» [3].

Таким образом, научная объективность исследования проявляется в использовании и сопоставлении самого широкого круга исторических источников. Комплексное привлечение церковно-книжных, светско-литературных, документально-деловых источников XVII в. (было обследовано 102 разных по объему и характеру источника), и их всесторонний анализ позволит более полно и объективно осветить материал.

Эпоха XVII в. называется в истории «бунташным периодом». Это было время невероятных событий для России в различных её сферах: политической, социальной, экономической. Недовольство проявлялось повсюду. Провинция поднималась против Москвы. Слабый центр не мог удержать власть. У центральной

власти не было сил противиться процессу раздробления. Терялось все, что государство веками собирало вокруг столицы.

Россию постиг глубокий духовный, экономический, социальный и внешнеполитический кризис. Он совпал с династическим кризисом и борьбой боярских группировок за власть. Искажены были нравственные и моральные ценности, что поставило страну на грань катастрофы. Этот период называют периодом «Смутного времени». Современники говорили о Смуте как о времени «шатости», «нестроения», «смущения умов», которое вызвало кровавые столкновения и конфликты. Смута вместе с другими явлениями общественной, духовной жизни ярко отражала рост национального самосознания народа, идейные противоречия, противоборство разных социальных сил.

Слово «смута», по мнению П.Я. Черных [4], в значении 'ссора, сопротивление, возмущение' появилось несколько раньше XVII в. Но к этому столетию уже широко бытовало и само слово, близкое значению исходной основы — смутити (смутные глаголы / ДЛ, 339/), и слово в составе фразеологической единицы — смутное время /Акты 239/. Они свободно использовались в обиходной речи, в делопроизводстве московских приказов, что и зафиксировалось в документально-деловых памятниках. Словосочетание смутное время в источниках XVII в. имело твердо закреплённый порядок слов (ни разу не встретилось «время смутное»), оно стабильно сохраняло за собой только один смысл: смутное время - это 'время особого волнения народа', это 'безгосударный период (безвластие)'.

Годы упадка, неурожаев, крайняя неустроенность и барских, и крестьянских хозяйств приводили в отчаяние население. Россия бурлила. В это время постоянно вспыхивали народные восстания. Восстания крестьян сменялись периодами некоторого затишья. Бессловесное молчание народа (ср. у А.С. Пушкина: «Народ безмолвствует») говорило о его покорности и терпении. Однако эта покорность была кажущейся. С воцарением династии Романовых настроение народа стало иным. Население, доведенное до отчаяния, разоренное войнами и поборами, не могло платить того, что требовало государство. Подати из народа буквально выбивались палками. Должников били до тех пор, пока они не уплачивали налога или не умирали. Люди открыто стали жаловаться на власть, на злоупотребление наместников, говорить о своих бедах и проблемах. Как отмечал В.О. Ключевский, «в продолжение всего XVII в. все общественные состояния немолчно жалуются на свои бедствия, на своё обеднение, разорение, на злоупотребление властей, жалуются на то, от чего страдали и прежде, но о чем прежде терпеливо молчали» (цитируется по: [5]). Сетя на своё бесправное положение, народ не смирялся и не повиновался. Он и в это время не прекращал борьбу. Протест народа выражался в различных формах: сопротивлении, бунтах, мятежах, восстаниях, погромах, поджогах владельческих усадеб, всякого рода расправах с владельцами, в раскольнических движениях, в побеге. Николай Костомаров так рисует картину жизни страны в десятилетия царствования двух первых Романовых, что это был период господства приказного люда, расширения письменности, бессилия закона, пустосвятства, повсеместного обирательства работающего народа, всеобщего обмана, побегов, разбоев и бунтов [5]. Побег являлся одной из самых крайних форм сопротивления, так как крестьянин, отчаявшись, терял всё, бросив дом, семью и ухода из насиженных мест. Однако гнет был невыносимее, поэтому так часты были в разных тек-

стах XVII в. и по времени, и по характеру сочетания типа беглый крестьянин (обнаружено 319 словоупотреблений). Тяжело было всем, поэтому бежали люди разного вероисповедания и сословия. Ср. встречавшиеся сочетания в памятниках данного типа: беглый Ивашка, беглый татарчонок, беглый человек, беглый солдат, беглый ученик, беглая жёнка, беглые люди, беглая девка, беглый сын, беглые работники, беглый холоп, беглые дворовые молодцы, беглые дворовые люди и др.

Убежавшие люди, бросая пашню и спасая жизнь, скрывались от преследования. Необходимо было спрятаться так, чтобы беглеца не смогли найти, ибо жестокая расправа была неминуемой. Здесь ставился вопрос о жизни и смерти. И находилось беглое место [МХ, 168], которое спасало, являлось последней надеждой. По сравнению с перечисленными выше сочетаниями в последнем смысле текста изменился, так как беглый оказалось в иной лексической сочетаемости и значение всего сочетания иное - 'место, где скрываются люди'.

Но в государстве всё было учтено. Под надзором оставалось всё, вплоть до участка земли убежавшего человека определенного размера, являющегося единицей обложения податью в пользу государства. Ср. «Да Туринским ямским охотником на жилые и на беглые и на мертвые на пятьдесят вытей ... дано государева денежного жалования въ Туринском чытыреста девяносто семь рублевъ» [СлРЯ 11 — 17, 1, 86]. Здесь беглая выть — 'окладная доля после беглого'.

В письменных памятниках встречалось и сочетание беглая память. Это был юридический документ о возвращении по суду беглого холопа его владельцу: «И беглая память на него за головиною рукою в приказ дана...» [МДБП, 250]. В этом же значении в языке XVII в. употреблялось и словосочетание беглая грамота. Можно было бы предположить, что автор случайно спутал грамматически опорное слово, употребив память, вместо положенного слова грамота, однако частота употребления беглая память (89 раз) позволяет предположить, что эти несвободные сочетания были близки в значениях, и в языке XVII в. в текстах документально-делового содержания подобные замены были вполне возможны. В пользу сказанного свидетельствует еще и то, что из 36 словосочетаний с грамматически опорным словом память — 19 имеют аналогичные определения-конкретизаторы с грамматически опорным словом грамота: закладная память — закладная грамота, мировая память — мировая грамота, отпускная память, — отпускная грамота и др.

В пользу возможности замены говорит еще и такой факт. Смысловая гамма слова грамота до XV — XVI веков была очень широкой. Им означались различные царские и боярские указы, распоряжения и повеления князей, письма, акты, сделки, различные по характеру бумаги. Следовательно, бытуя в языке позднего периода уже наряду с другими названиями документов, оно не всегда свободно отказывалось от тех функций, которые выполняло раньше само и продолжало употребляться в языке параллельно с новыми терминами. А отсюда предположение Н.Г. Самойловой [6] о том, что в исследованных ею текстах автор письма случайно спутал грамматически опорные слова грамота и память, мы считаем неверным. Так как, к примеру, в своих исследованных текстах мы не нашли параллельных образований сыскная память - сысканная грамота. У нас зафиксировано только второе. Однако сама Н.Г. Самойлова по своим исследованным текстам сыскная память отмечает. А из этого следует, что такие параллельные образования все

еще были характерны для периода XVII в. Дело лишь за полным обзором в с е х литературных источников этого периода.

Сбежавших людей усиленно разыскивали, поэтому-то в документально-деловых текстах XVII в. так часты примеры типа повальный обыск. Несвободные сочетания с опорным компонентом обыск - 'расследование дела' - широко бытовали в источниках. Это связано с активным развитием дело- и судопроизводства. По мере усложнения социально-экономических отношений, по мере укрепления единовластия монарха появляются новые судебные органы, которые в той или иной мере санкционировались государством. На них возлагались задачи по суду и наказанию «лихих людей», гулявших по Руси. Первым шагом было обуздание разбойничьих банд. И хотя среди разбойников были не только те, которые обыкновенно грабили всех, кто попадался под нож, но и «благородные», борющиеся за какие-то права, против произвола, их обязанностью являлись сыск и наказание преступников [7]. Кроме разбойных дел, они занимались и поиском сбежавших крепостных людей, не вынесших гнета.

Разыскиванием беглых занималось большое количество служилых людей. Они, усердно неся службу, старались найти убежавших, подключая к розыску значительное число помощников. Разыскивали людей повсеместно. Термин повальный обыск широко бытовал на большой территории России. Он изобилует в различных по характеру источниках. Мы встретили 132 примера употребления данного сочетания в разных документально-деловых памятниках. Структура сочетания достаточно стандартна для всех книг документально-делового содержания XVII в., а в рамках описания одного случая часто вообще не знает отклонений. Вообще, документы судебных дел создаются по определенным жанровым канонам. Для них характерна не только особая, специфичная композиция, но и своеобразный стиль языка, изобилующий как «юридическими клише», так и разговорной лексикой.

Розыск беглых не имел в России ни территориального, ни временного ограничения. Этот тотальный досмотр очень сильно довел в обществе. Дополнительную экспрессию придают текстам многочисленные лексические повторы, вариации, позволяющие задать определенный ритм источнику. Поэтому среди сочетаний в источниках делового характера широко бытовали примеры типа: большой повальный обыск, обыскивать повальным обыском, слатся в повальный обыск, которые несли значение 'поголовный, всеобщий' Ср.: «Сыскивая всякими сыски накрепка большим повальным обыском» /Отк. кн., 103/; «Тут ли тебе надежнее слаца в повальный обыск» /Грамотки, 30/.

Совершая побеги, народ обычно бежал в степь, на окраину, на юг России, в теплые края. Там, в хорошо защищенном месте, собиралось множество людей, которые были вынуждены бросить свою семью, свой дом. И есть, и спать им приходилось в большинстве случаев прямо на земле. В исторических песнях, сложенных этим же народом (казаками), отражались и быт, и их жизнь. В источниках подобного типа встретились строчки, свидетельствующие о таком быте: «По утру-то у нас, у казаченьков, будет весь повальный круг ... /Ист. Песни, 154/». Исторические песни, являясь ярким образцом устного народного творчества, оказались неким информационным пространством, пропущенным через мировидение индивидов. Из смысла предложения понятно, что разговор идет о разместившихся, повалившихся, лежащих кругом, засну-

вших к утру людям. Подчеркнутое слово в тексте уже иного семантического плана. Перевод содержания текста (повальный круг) позволил нам отметить новые семантические грани источников XVII в.

Долгий поиск сбежавших людей обычно заканчивался их поимкой. И тогда в холодных темных пыточных подвалах начинался усиленный допрос сбежавших за их «блудное воровство». «В приказе в приводе была и за блудное воровство кнутом бита» /МДБП/ свидетельствует запись из Московской деловой и бытовой письменности. Здесь прилагательное блудный в сочетании блудное воровство сохранило единство с глагольным значением 'пакостить, причинять ущерб'. Другое прямое значение, близкое значению 'прелюбодействовать, распутничать' мы встретили у прилагательного в сочетании с существительным сквернение: «блудного сквернения насытствовала...» /Пов. о нач. М., 273/. Ср. еще: блудное дело, блудные жены, блудное падение и др.

Совершенно иная картина представляется нам, если блудный встречалось в сочетании пословицы: блудные пословицы – это 'непристойные, постыдные'.

Но еще более сложной смысловая структура этого слова оказывалась, если оно встречалось в сочетании блудный сын. Выражение блудный сын как устойчивое фразеологически связанное сочетание закрепилось в источниках, как известно, из евангельской притчи о блудном сыне, ушедшем из дому. После долгих скитаний, растратив полученное от отца наследство, он, испытывая угрызения совести, с раскаянием возвратился к родительскому очагу. Чувство вины за содеянное так глубоко, что оно гнетет его и ранит. Молодой человек нуждается в поддержке и милости: «Но яко отец милосердай сына блудного прими простертыми руками своими» /Пам. Без., 135/. И родительское прощение наступает.

Здесь следует несколько отступить и особо оговориться, что XVII в. был периодом грандиозной акции государственных и церковных властей по усилению контроля над индивидом и обществом. Контроль охватывал практически все сферы жизнедеятельности человека: семейную жизнь, социальные связи и общение, область профессиональной деятельности, религиозную жизнь. Последний был настолько силен, что даже представители светских властей выражали серьезную озабоченность усилением контроля во всех конфессиональных сообществах за соблюдением нравственных требований со стороны верующих. Не случайно в церковно-книжной группе текстов зафиксировано словосочетание богоизбранное стадо. Под данным оборотом в библейской литературе обычно подразумеваются люди – послушное стадо. Обобщенно-переносный смысл, получившийся в результате выделения одного из признаков животных (в данном случае – овец) двигаться в нужном направлении послушной отарой, погоняемой пастырем (Христом) и лег в его основу. Как известно, в эту эпоху с особой силой дает о себе знать соперничество светской и церковной властей в вопросе о том, кто из них является источником нормы и кто будет осуществлять контроль над ее соблюдением, кто будет играть роль своеобразного пастыря на земле.

Однако семантические возможности сочетания блудный сын не исчерпаны. В текстах этого времени оно было применимо еще и в тех случаях, когда провинившийся человек с покаянием за свои проступки приходил домой, осознавая свою вину: «Изыдет блудный сын похмелен, слуги его различно утешают...» /Г., 518/. На основе этой притчи у словосочетания блудный сын сформировалось два значения: 1) 'раскаившийся',

2) 'вышедший из повиновения'. Второе значение было близко свободному сочетанию. Смысл первого не вытекает из суммарного значения компонентов - он переносный, фразеологически связанный. Характерной особенностью этого фразеологизма является то, что, несмотря на библейские источники происхождения, доминирование использования его в текстах церковно-книжного характера, он широко и свободно встречался в текстах различной стилистической направленности. Мы зафиксировали свыше 80 примеров подобного типа.

Таким образом, в текстах XVII в. встретилось словосочетание блудный сын и в прямом, и во фразеологически связанном значении. Второе значение ('вышедший из повиновения'), выделенное нами у словосочетания блудный сын, после XVII века было языком утеряно, первое же ('раскаившийся'), пройдя через три столетия, бытует до сих пор.

Итак, информационное пространство источников через массу «раскодировок» стало основой для репрезентации как ясной, открытой, так и внешне не проявляющейся, скрытой, латентной информации. Такое исследование мы провели благодаря расширенному подходу к историческому источнику. Одна информация легко высвечивалась из содержания текста, другую приходилось обнаруживать через учет всех составляющих источника, через анализ исторической ситуации, через анализ разных по стилю текстов. Значит, информационное поле источников представляет собой два субполя: субполе внешней информации и субполе внутренней информации. Причем одно из них (второе субполе) должно быть потенциально шире, ибо неожиданные сочетания, новые конструкции должны найти в языке адекватное семантическое подтверждение. И если рассматриваемое слово оказалось в ином семантическом окружении, в иных интерпретационных возможностях источника, оно должно иметь потенциал для представления иной семантической трактовки.

Проведенное нами исследование лишний раз подтверждает мысль, что «чисто историческое» исследование сегодня провести невозможно. Историк уже на первом пути работы с текстом оказывается связан и с лингвистическими методами, и с методами текстологического анализа. Как-то, изучая язык деловой прозы, А.Н.Качалкин детально изобразил различие подходов к изучению исторических документов историком и филологом. «Историка, — писал он, — интересует содержательная сторона документа, сами общественные факты, возникновение социально значимых явлений..., историк разбирает дела, филолог — жанры, слова и языковые процессы в разных их проявлениях Историк через

язык интерпретирует действительность, филолог через действительность интерпретирует язык» [8]. Однако время по-иному расставило приоритеты. Для современного историка текст документа стал интересен не только и не столько «фактами», но и тем, как в нем отражается мышление и самосознание людей, его создававших, дух и разумение отличной от его собственной эпохи. Без них работа с текстовыми источниками не может быть эффективной. Определенную лепту в такую работу может внести и наша статья, оказав помощь в преподавании спецкурсов, лекций и семинаров на занятиях по истории Древней Руси.

Библиографический список

1. Шмелев, А. Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия [Текст] / А. Д. Шмелев // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте : сб. науч. ст. Вып. 10 / отв. и науч. ред. проф. Б. Я. Шарифуллин; Сибирский федеральный университет. — Красноярск, 2010. — С. 139.
2. Виноградов, В. В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1986. — № 1. — С. 25.
3. Толстой, А. Н. Как мы пишем [Текст] / А. Н. Толстой // Полн. собр. соч. — М. : Гослитиздат, 1949. — Т. 13. — С. 567.
4. Черных, П. Я. Очерки русской исторической лексикологии. Древнерусский период [Текст] / П. Я. Черных. — М. : МГУ, 1956. — С. 187.
5. Геллер, М. Я. История Российской империи. В 3 т. Т. 1. [Текст] / М. Я. Геллер. — М. : МИК, 1997. — С. 194.
6. Самойлова, Н. Г. Устойчивые сочетания в частной переписке XVII-начала XVIII века (к вопросу о формировании устойчивых сочетаний) [Текст] : автореф. дис. ... канд. фил. наук / Н. Г. Самойлова. — М. : МОПИ, 1968. — С. 285.
7. Ястребов, А. В. Эволюция судебной системы и судопроизводства в России в XI-XVII вв. [Текст] / А. В. Ястребов // Омский научный вестник. — 2009. — № 6. — С. 44
8. Кошелева, О. Указотворчество Петра Великого и формирование образа его власти [Электронный ресурс] / Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. — М. : Наука, 2008. — Режим доступа : <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=3020> (дата обращения : 25.12.10).

ЛАБИКОВА Раиса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и гуманитарных дисциплин.

Адрес для переписки: e-mail: Labikov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.02.2011 г.

© Р. Н. Лабикова

Книжная полка

Фортунатов, В. В. Отечественная история : учеб. пособие / В. В. Фортунатов. — СПб. : Питер, 2011. — 48 с. — ISBN 978-5-459-00384-0.

В пособии в краткой и доступной форме рассмотрены все основные вопросы курса отечественной истории. Книга окажет вам неоценимую помощь в подготовке и сдаче экзамена.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВУЗОВ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ СО СТРУКТУРАМИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ (1965 — 1991 гг.). ЧАСТЬ 1

Статья посвящена развитию связи между вузами и железнодорожными предприятиями Западной Сибири в 1965 — 1991 гг. Выявляются причины и предпосылки для взаимодействия вузов и предприятий в регионе, определяются предмет, формы и содержание отношений между сторонами.

Ключевые слова: сотрудничество МПС, вузы, хоздоговорные исследования.

Экономическая реформа 1965 г., впервые после проведения НЭПа, создала необходимые условия для формирования системы «горизонтальных» связей в народном хозяйстве. Одним из вариантов этих контактов стали взаимоотношения: железные дороги — высшие учебные заведения. Оформились они в условиях становления и развития советского единого народнохозяйственного комплекса. Но ни обобщающие исследования по истории железных дорог, ни работы по истории железнодорожных вузов в Западной Сибири, не выдвигали перед собой задачу представить в развернутом виде этот сюжет [1 — 4].

Партнерами Новосибирского и Омского институтов инженеров железнодорожного транспорта (соответственно — ОмИИТа и НИИЖТа), становились разные предприятия, учреждения и организации. Состав их был относительно стабилен, что определялось стабильностью самой советской системы на тот период ее развития. Среди них были Западно-Сибирская дорога, Тюменское отделение Свердловской дороги, а с конца 1970-х гг. — Кемеровская дорога и Сургутское отделение Свердловской дороги. Но они не доминировали в числе партнеров. Для ОмИИТа, например, они составляли только 1/5 часть всех соглашений [5, л. 3]. Попутно отметим, что и среди выпускников этих вузов железнодорожный транспорт Западной Сибири не был преобладающим среди мест потенциальной работы.

Прецеденты правового оформления взаимодействия вузов и предприятий в регионе создавались еще в рамках экономических экспериментов начала 60-х гг. XX в. Так, в 1962 г. был подписан договор между ОмИИТом и Западно-Сибирской железной дорогой [6, л. 36]. Но более или менее активные деловые связи вуза с железными дорогами стали активно развиваться после сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС, решения которого стимулировали горизонтальные связи в экономике. Характерно, что далеко не все новации хозяйственной жизни, связанные с реформой 1965 г., получали правовое подтверждение во временной отрезок, близкий к 1965 г. Только в 1978 г., 6 апреля ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли совместное постановление «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» [7, с. 220 — 226].

До середины 1970-х гг. хоздоговорные работы с транспортниками оформлялись на год. В 1976 г. произошел новый шаг в организации содружества вузов и транспортников: были заключены очередные договоры не на 1 год, а на всю десятую (1976 — 1980 гг.), а затем и одиннадцатую (1981 — 1985 гг.) пятилетки. К 1985 г. до половины всех договорных тем стабильно были рассчитаны более чем на 1 год. Это создавало возможность для перспективного обеспечения подобной работой преподавателей и сотрудников вуза.

Если с Западно-Сибирской железной дорогой вузы начали оформление отношений с годовыми планами сотрудничества, то с Кемеровской железной дорогой, созданной в 1979 г., правовые отношения стали сразу оформляться на длительную перспективу. Так, в 1980 г. НИИЖТ заключил договор с Кемеровской дорогой сразу на 10 лет, с 1980 по 1990 г. [8, л. 53].

При всем многообразии договоров сущность их сводилась к пяти **направлениям**.

Одним из них стало **выполнение хоздоговорных исследований** с последующей оплатой за проделанную работу.

Общей тенденцией стало возрастание доли исследований по железнодорожной тематике. Перелом наступил во второй половине 1970-х гг.: в 1976 г. эта тематика составила 47 %, а в 1979 г. — 68 % [9, с. 1].

Как правило, тематика хоздоговорных исследований отражала название кафедр ВУЗов. Источниками определения хоздоговорных тем выступали планы и приказы по МПС СССР, заказы главных управлений, заводов МПС, Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта, управлений отдельных железных дорог, заказы других министерств и ведомств по сопряженной тематике, заказы организаций и предприятий из регионов страны, обычно из района дислокации вуза. Выбираемые для хоздоговорных исследований темы носили преимущественно прикладной характер с ориентацией на выработку четких практических рекомендаций, иногда темы были связаны с оборонным заказом.

Транспортные предприятия и организации выступали в качестве заказчиков, а потому принимали работу и производили ее оплату. Были случаи предоста-

вления площадей и оборудования для исследования или испытания изделий. Для внедрения привлекали разработчиков. После реализации разработки снова организовывался обсчет проделанной работы и на основе этого производился окончательный расчет. Но надо видеть различие между внедрением хозяйственной темы и ее последующим использованием и распространением. Отследить это на значительном отрезке времени довольно сложно.

К другим формам хозяйственных отношений относились авторский надзор за внедрением, оказание методической помощи при внедрении разработок, выполнение экспертных исследований, проведение технических консультаций, написание отзывов, заключений, рецензий, экспертиз, чтение лекции по технической и по общественно-политической тематике и т. п. [10, л. 18].

Наибольший объем научных исследований в ОмИИТе выполняли кафедры вагонов и вагонного хозяйства (зав. кафедрой доцент А. А. Дычко), электрических машин (зав. кафедрой М. Ф. Карасев), подвижного состава электрических железных дорог (и. о. зав. кафедрой к. т. н. Р. Я. Медлин), кафедрой энергоснабжения (зав. кафедрой доцент М. Г. Шалимов). Так, кафедра вагонов и вагонного хозяйства, начав сотрудничество с Западно-Сибирской железной дорогой с суммы на 1972 г. в 3,3 тыс. рублей [11, л. 3], довела ее к 1990 г. до 92,5 тыс., и уже сотрудничала не только с Западно-Сибирской, но и с Кемеровской железной дорогой, хотя доля последней в этом объеме составляла 24,32 % [12, л. 7–12.]. Без учета коэффициента скрытой инфляции рост составил 28 единиц!

В НИИЖТе 70,9 % плана института по хозяйственным работам выполняли кафедры «Путь и путевое хозяйство», «Технология грузовой и коммерческой работы», «Охрана труда» и «Экономика железнодорожного транспорта», «Эксплуатация железных дорог», что примерно выражалось суммой 1,3 млн рублей ежегодно в 1980-х гг. [13, л. 96; 14, с. 1].

Круг исполнителей хозяйственных тем первоначально ограничивался штатными преподавателями и сотрудниками вуза. Но уже с 1970 г. стали привлекаться и студенты. Первой такой их разработкой стала тема для вагонного депо Московка [10, л. 18].

Вторым направлением сотрудничества было **включение производственников и производственной тематики в учебный процесс**. Система это предполагала, рекомендовала, но не вводила в сетку обязательных занятий. Взаимодействие было уже делом двух потенциальных сторон. И, к чести сибиряков, они этим воспользовались. Чертой развития высшей школы в условиях осуществления хозяйственной реформы 1965 г. стало стремление увязать учебный процесс с реальными народно-хозяйственными процессами. Для вузов эта работа включала в себя два основных блока. Во-первых, это создание филиалов кафедр на транспортных предприятиях, чтобы там было возможным проводить практические занятия (об этом — в сюжете об институциональных основах сотрудничества). Во-вторых, это часто связанное с первым направлением, написание дипломных проектов по т. н. «реальным» темам. Речь шла о темах, предлагаемых практикой работы железнодорожных предприятий. Эта практика стала распространяться с 1969 г. Сравнительно быстро «реальная тематика» достигла уровня 60 % всех названий дипломных проектов [15, с. 1].

НИИЖТ принимал участие в организации повышения квалификации специалистов Западно-Сибирской железной дороги. Так, в 1979 г. проходило обучение группы начальников инспекции при начальниках

отделений и управлений железных дорог Урала, Казахстана, Сибири, Дальнего Востока [16, с. 3].

Только вузом учебный процесс не ограничивался. Договоры о сотрудничестве включали в себя разделы об участии преподавателей вузов в работе по повышению квалификации ИТР. Для этого, например, НИИЖТ в 1987 г. принимал участие в организации курсов повышения квалификации для ИТР по организации грузовой работы, проводились семинары, в том числе — по расчету крепления грузов на открытом подвижном составе с работниками станций и отделений [17, л. 64].

К началу 1990 г. курсы НИИЖТ по повышению квалификации ИТР железных дорог переросли в факультет повышения квалификации. В 1990 г. их окончили более 400 человек: 286 с Западно-Сибирской дороги и 178 — с Кемеровской [18, л. 12, 14].

Третьим направлением сотрудничества было **участие в пропагандистской работе**. Обычной формой в 1960 — 1990 гг. стала лекционная пропаганда. Лекции были как на производственно-технические темы, так и на политические. В середине 60-х гг. XX в. к этим формам прибавилась другая, характерная для «периода оттепели», — народные университеты.

В апреле 1965 г. при ОмИИТе был организован Университет научной организации труда. В нем было учреждено два факультета: факультет общественных профессий и факультет электроснабжения. В 1969 г. действовало уже два народных университета: помимо народного университета охраны труда стал действовать народный университет технического прогресса и экономики. С 1971 г. студенты этого вуза стали привлекаться к чтению лекций. При этом нередко по количеству прочитанных лекций студенты опережали преподавателей. Так, в 1971 г. преподавателями было прочитано 208 лекций, а студентами — 322 [19, л. 21].

Это сказалось и на лекционной тематике. Если в 1979 г. соотношение лекций по техническим вопросам и на общественно-политические темы, прочитанных для железнодорожников Западной Сибири было как 79 к 75 [20, л. 37], то есть практически 1 к 1, то уже в 1983 г. это соотношение изменилось. Оно стало как 120 к 61 или 2 к 1 [21, л. 36]. Таким образом, налицо была своеобразная сначала слабая, а потом усиливающаяся «технократизация» в пропагандистско-учебной и просветительской работе.

Четвертым направлением сотрудничества стала практика оформления организационного **взаимодействия вузов и железнодорожных предприятий в регионе**. Еще в 1962 г. на Западно-Сибирской железной дороге по инициативе и под руководством начальника службы электрификации и энергетического хозяйства Л. С. Панфиля было организовано общественное Сибирское отделение электрификации ЦНИИ МПС СССР (ОСО ЦНИИО). В деятельности этой организации принимали активное участие сотрудники кафедры энергоснабжения. Отдельные творческие группы работников кафедры возникали уже в 1961 — 1966 гг. [22, с. 2].

Первоначально отношения координировались через партийные комитеты (КПСС) и администрации предприятий. В 1976 г. образовался Координационный совет Омского отделения (НОД-1) Западно-Сибирской железной дороги в составе 11 человек во главе с председателем — главным инженером НОД-1 В. А. Кривошаповым и Координационный совет ОмИИТа тоже в составе 11 человек под председательством к. т. н., старшего преподавателя кафедры электроснабжения электрических железных дорог Е. И. Кордюкова [23, л. 1 об.].

В 1979 г. НИИЖТ, ОмИИТ и руководство Западно-Сибирской железной дороги заключили соглашение

об образовании на базе этой дороги общественного научно-исследовательского института. Предметом его исследований стали вопросы надежности отдельных машин и изыскание резервов в развитии железнодорожного транспорта и повышении провозоспособности. Общественный институт активно участвовал в разработке перспективного плана развития Западно-Сибирской железной дороги до 1990 г. Просуществовал институт сравнительно недолго, видимо, в связи с изменившейся политической обстановкой. В годовом отчете он упоминался только за 1982 г.

В 1983 г. ОмИИТ открыл филиал одной из своих кафедр — «Тепловозы и тепловозное хозяйство» — при локомотивном депо Омск и приступил к подготовке открытия аналогичных филиалов кафедр «Вагоны и вагонное хозяйство», «Подвижной состав электрического железнодорожного транспорта». Подготовительная работа началась в 1984 г. В итоге практически все выпускающие кафедры создали подобные объединения (свои филиалы) с линейными предприятиями Омского отделения Западно-Сибирской железной дороги. Только механический факультет ОмИИТа имел 4 филиала кафедр в линейных предприятиях Омского отделения Западно-Сибирской железной дороги. Филиал кафедры «Тепловозы и тепловозное хозяйство» располагался в локомотивном депо Омск. В 1987 г. НИИЖТ рапортовал об открытии восьми филиалов кафедр на базе служб и отделов Западно-Сибирской железной дороги [24, с. 2]. Это создало условия для укрепления связи вуз — транспортный процесс, но усиливавшиеся в период «перестройки» деструктивные процессы не позволили этой тенденции закрепиться.

В 1985 г., на базе «перестроечных» процессов, в руководстве ОмИИТа возникла идея создания Учебного научного производственного комплекса со структурами на транспортных предприятиях. В следующем, 1986 г. эта идея стала реальностью — началась работа Учебно-научно-производственного объединения (УНПО) «ОмИИТ — Омское отделение Западно-Сибирской железная дорога». В 1987 г. УНПО начало перерастать в качественно новое образование: были согласованы вопросы создания Учебно-научно-производственного комплекса (УНПК) в составе ОмИИТ — НИИЖТ — Западно-Сибирская железная дорога. А в 1989 и 1990 гг. новая форма организации вуза уже действовала [18, л. 12; 25, л. 30; 26, с. 2; 27, л. 30; 28, с. 1]. Судьба этой инициативы, как и предыдущей, на тот момент оказалась такой же.

Пятым направлением сотрудничества стала **организация гласности его результатов**. В вузах действовала табличная форма отчетности по выполнению НИР за год. В ней предусматривалась информация подразделений вуза, выполняющих прикладные исследования, указание на партнеров вуза, выполняемые объемы работ, а в конце обычно следовали рекомендации [12, л. 33 — 35].

Важным направлением совместной работы вуза и транспортников стали конференции и публикации итогов исследования в продолжающихся периодических изданиях вузов. Для этого использовались страницы многотиражных газет ОмИИТа «Транспортник» и НИИЖТа «Кадры — транспорту» [29, с. 1], а также научно-практические конференции.

В 1962 г. в ОмИИТе прошла первая межвузовская конференция по надежности дизелей тепловозов. 4 — 7 февраля 1968 г. в ОмИИТе состоялась первая межвузовская научно-практическая конференция по проблемам надежности дизельного подвижного состава

[30, с. 2]. В мае 1971 г. в ОмИИТе работало расширенное заседание Центрального научно-технического общества железнодорожного транспорта, посвященное вопросам экономии топлива и электроэнергии. Рассматривались вопросы работы системы электрооборудования при рекуперации электроэнергии электровозом [31, с. 1]. В октябре 1972 г. в ОмИИТе работала сетевая научно-техническая конференция «Динамика и меры повышения эксплуатационной надежности локомотивов в условиях железных дорог Урала и Сибири». В 1975 г. состоялось первое научно-практическое совещание по теме «Надежность локомотивов и система их ремонта» [32, с. 2]. В 1977 г. на ВДНХ СССР экспонировалась диагностическая система «Иртыш», разработанная учеными кафедры «Тепловозы и тепловозное хозяйство» [32, с. 2]. В декабре 1986 г. в НИИЖТе состоялась межвузовская научно-методическая конференция по охране труда и советскому праву. В работе этих и других форумов приняли участие представители транспортных вузов страны, транспортников-практиков, научно-исследовательские и проектно-конструкторские институты, тепловозостроительные и ремонтные заводы, управлений железных дорог и локомотивных депо.

Итак, на стадии позднего развития советской системы сложился некоторый опыт взаимодействия вузов и практических экономических структур, отражением чего были и взаимодействие НИИЖТа и ОмИИТа с Западно-Сибирской, Кемеровской дорогами, а также Тюменским отделением Свердловской железной дороги. Это взаимодействие разворачивалось по пяти направлениям. Сотрудничество продемонстрировало как эффекты, так и парадоксы, которые, в числе других, определили логику ее дальнейшей эволюции.

Библиографический список

1. Вековой путь на службе Отечеству. Страницы истории Западно-Сибирской железной дороги / Н. А. Акулинин [и др.]; под общ. ред. В. И. Старостенко. — Новосибирск : Сибирская горница, 2001. — 500 с.
2. Угольная магистраль России. Из истории Кемеровской железной дороги: Массово-политическое издание / сост. Е. Логинова, Г. Шалакин. — Кемерово: Изд. дом «Центр-полиграф», 2004. — 248 с.
3. Омский институт инженеров железнодорожного транспорта. 1930 — 1990 / отв. за вып. И. И. Галиев. — Омск : Омск правда, 1990. — 41 с.
4. История и современность Омского государственного университета путей сообщения (ТТИ — СИИТ — ТЭМИИТ — ОмИИТ — ОмГАПС — ОмГУПС) / под общ. ред. И. И. Галиева. — Омск, 2005. — 284 с.
5. Исторический архив Омской области (далее — ИАОО). Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 368.
6. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 333.
7. О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях: Постановление ЦК КПСС и Совет министров СССР от 6 апреля 1978 г. // Справочник партийного работника / редкол. : К. М. Боголюбов, П. Г. Мишунин, Я. В. Сторожев. — М. : Политиздат, 1979. — С. 220 — 226.
8. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 1598.
9. Лисовский, А. Новый этап в развитии высшей школы / А. Лисовский // Транспортник. — 1979. — 29 ноября — С. 1.
10. ИАОО. Ф. 2182. Оп. 2. Д. 445.
11. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. 567.
12. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 1522.
13. ГАНО. Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 1815.
14. Медаль ВДНХ — П. И. Москалеву // Кадры — транспорту. — 1968. — 23 мая. — С. 1.

15. Все мысли, планы и лучшие дела коллектива: Из отчетного доклада первого секретаря парткома П. И. Москалева // Кадры — транспорту. — 1969. — 21 ноября. — С. 1. Расчеты автора.
16. Поправко, А. Институт — производству / А. Поправко // Кадры — транспорту. — 1979. — 21 июня. — С. 3.
17. ГАНО. Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 2151.
18. ГАНО. Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 2345.
19. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 483.
20. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 886.
21. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 1114.
22. Маценко, В. П. Эффективность сотрудничества. Кафедра энергоснабжения — служба электрификации / В. П. Маценко // Транспортник. — 1976. — 20 мая. — С. 2.
23. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 272.
24. Чулков, А. Инженер-тепловозник: вчера, сегодня, завтра / А. Чулков // Транспортник. — 1990. — 23 янв. — С. 2.
25. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 1277.
26. Железнодорожный транспорт: Вчера, сегодня, завтра // Транспортник. — 1987. — 9 дек. — С. 2.
27. ИАОО. Ф. Р-2182. Оп. 2. Д. 1335.

28. Ученые ОмИИТа — транспорту: Интервью с директором научно-исследовательского сектора И. А. Зубрицким // Транспортник. — 1983. — 24 нояб. — С. 1.
29. Серегин, А. Шире развивать хозяйственную тематику / А. Серегин // Транспортник. — 1966. — 9 февр. — С. 1.
30. Шелоумов, В. Развитие тепловозной тяги / В. Шелоумов // Транспортник. — 1988. — 13 янв. — С. 2.
31. Медлин, Р. Из Москвы, Львова и Хабаровска / Р. Медлин // Транспортник. — 1971. — 26 мая. — С. 1.
32. Шелоумов, В. Развитие тепловозной тяги / В. Шелоумов // Транспортник. — 1988. — 13 января. — С. 2.

МИШЕНИН Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений.

Адрес для переписки: e-mail: s-e-m-57@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.07.2010 г.

© С. Е. Мишенин

УДК 940.5

М. С. ШАПОВАЛОВ

Омский институт водного транспорта
(филиал Новосибирской
государственной академии
водного транспорта)

ОБ ИСТОКАХ КОРРЕКТИРОВКИ ПАЛЕСТИНСКОГО КУРСА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1929—1930 гг.

Статья посвящена попытке изменения британского курса в Палестине, предпринятая в 1929—1930 гг. вторым лейбористским правительством. В статье подробно рассматриваются обстоятельства и причины арабского восстания 1929 г. Особое место отводится работе и выводам британских комиссий У. Шоу и Хоуп-Симпсона. Новизна работы заключается в исследовании британской политики с учетом международных, региональных и внутривнутриполитических факторов.

Ключевые слова: Ближний Восток, Палестина, Арабское восстание 1929 г., комиссии У. Шоу и Хоуп-Симпсона.

К концу 1920-х гг. казалось, что политика Британии, провозглашенная в «Белой книге» 1922 г., приносит свои позитивные плоды и не требует серьезной корректировки. Но Великая депрессия 1929—1932 гг. дестабилизировала ситуацию в подмандатной Палестине.

Экономическая обстановка в Палестине (во многом из-за того, что развитие британской экономики в 1921—1939 гг. несколько отличалось от общемирового) ухудшилась уже в конце 1920-х гг.: начался рост безработицы, разорились многие частные компании. (В 1929 г. объявили себя банкротом 10 крупных компаний, в 1930 г. — 33, а в 1931 г. — еще 22 [1].) И не удивительно, что в 1928—1929 гг. в Палестине вспыхнуло арабское восстание.

В сентябре 1928 г., накануне праздника Йом Кипура (Дня примирения), полицейский офицер Дуглас Дафф и окружной комиссар Иерусалима Эдвард Кит Роуч при обходе Старого города Иерусалима заметили, что евреи поставили экран, разделяющий молящихся мужчин и женщин у Стены плача, которую евреи считают одним из дошедших до нашего времени остатков Храма Соломона. Мусульмане же верят, что

Стена плача находится на месте ворот, через которые пророк Мухаммад пронесся на мифическом животном Бураке. Стена плача в то время находилась в Марокканском квартале, где большая часть недвижимости принадлежала религиозному благотворительному обществу «Вакф Абу Миддьян» и была местом молитвы евреев, но под мусульманским владычеством, доступ евреев туда строго контролировался. Эта ситуация сохранилась при мандате как часть англо-османского статус-кво для святых мест. Именно поэтому британские власти распорядились убрать заслон-экран, нарушающий статус-кво. Для выполнения распоряжения полиции пришлось прервать праздничную молитву евреев, что привело к негодованию верующих и началу беспорядков. Местное и международное еврейское лобби расценило данный шаг как покушение на религиозную свободу евреев и организовало шествия. В этой ситуации британское правительство, стремясь сохранить мир, согласилось допустить для евреев такие ограничительные установки, которые существовали у Стены плача во времена

Османской империи. Однако это решение теперь не устраивало арабскую сторону, так как турки никогда не регулировали должным образом подобные религиозные процедуры.

Добиваясь стабилизации ситуации, занимавший с 1928 г. пост Верховного комиссара Палестины Джон Ченслер заявил 3 января 1929 г., что собирается созвать Законодательный совет. Это предложение наконец-то встретило поддержку арабских лидеров: они пришли к выводу, что, принимая участие в работе представительных институтов, смогут контролировать иммиграцию в Палестину.

Между тем 30 мая 1929 г. в Великобритании состоялись парламентские выборы, в результате которых лейбористы собрали 8,4 млн голосов (37%) и завоевали 288 мест в парламенте, впервые опередив консерваторов, получивших 260 мест [2]. В начале июня 1929 г. был сформирован второй лейбористский кабинет Макдональда. Таким образом, во главе Великобритании в очередной раз встали силы, не связанные с Декларацией Бальфура. К тому же новый министр по делам колоний лорд Пасфилд (Сидней Вебб) никогда не выражал сочувствия идее создания еврейского «национального очага» в Палестине.

Внутриполитические изменения в Великобритании способствовали упрочению англо-арабских контактов. В июне 1929 г. в ходе консультаций британских представителей с Мусой Казем аль-Хусейни и Рахибом аль-Нашашиби было достигнуто соглашение, согласно которому предполагаемый Законодательный совет Палестины должен был состоять из десяти мусульман, трех евреев и двух христиан [3, с. 49]. Если учесть, что ранее британцы частично удовлетворили и требования еврейской стороны, признав ограничительные установки между молящимися у Стены плача, то, казалось бы, инцидент, произошедший в сентябре 1928 г., исчерпан.

Однако в августе 1929 г., когда еврейский мальчик забросил мяч в арабский сад и в последовавшей драке был заколот кинжалом, ситуация вновь вышла из-под контроля британской администрации. 22 августа, во время похорон мальчика, прошла демонстрация у Стены плача, организованная националистически настроенными евреями из Тель-Авива. К этому времени в Иерусалим уже начали стекаться из центра арабского национализма Наблуса толпы арабских крестьян, вооруженные дубинками и ножами. После демонстрации утром 23 августа муфтий Иерусалима Мохаммед аль-Хадж Амин аль-Хусейни и один из его коллег по Верховному мусульманскому совету произнесли проповедь в мечети Харам аль-Шериф. Очевидно, муфтий в этой проповеди «призвал верующих к спокойствию и обратился к английским мандатным властям с требованием немедленно усилить охрану мечети. Когда же масса возбужденных арабов вышла из Дамасских ворот, Хадж Амин обратился к ней с призывом соблюдать порядок, поскольку «Бог с теми, кто терпелив» [4, с. 51]. Никакого призыва к мятежу в словах муфтия не было, но, как только митинг закончился, «...началось побоище, какого страна еще не видывала» [5].

Беспорядки продолжались несколько дней и охватили кроме Иерусалима Хеврон, Яффу и Хайфу. Арабы нападали на еврейские больницы и синагоги. Евреи же совершили погромы мечетей в Яффе и Иерусалиме [6, р. 45]. По неофициальным данным, в результате августовских событий было убито 133 еврея и ранено 339, шесть еврейских колоний были полностью разрушены. В столкновениях с сионистами и полицией было убито 110 арабов и 232 ранено. (Еще

шесть арабов были убиты чуть позже в результате ответного нападения евреев в Тель-Авиве) [7]. По официальным же данным, как всегда, жертв было меньше. Как заявил в парламенте заместитель министра по делам колоний Г. Лунн, жертвы беспорядков на 24 сентября 1929 г. составили: убитыми 207 человек, ранеными 379 человек [8]. В результате судебных разбирательств британской администрацией Палестины было вынесено 26 смертных приговоров: в отношении 25 арабов и одного еврея. Однако все смертные приговоры кроме трех в отношении арабов были заменены тюремным заключением. Кое-кто в Англии в связи с этим говорил, что британская администрация в Палестине встала на сторону сионистов. В частности, парламентарий полковник Хоронит Говард возмущался тем, что не был арестован один из лидеров еврейских националистов В. Жаботинский, выступивший 23 декабря 1929 г. в Тель-Авиве с призывом к нападению на арабов, но в то же время подвергся аресту почетный секретарь мусульманской и христианской ассоциации шейх эль-Музаффар и некоторые другие арабские лидеры [9].

Ощущая давление как со стороны религиозных общин Палестины, так и со стороны английского общества, лейбористское правительство сделало все, чтобы как можно скорее стабилизировать обстановку на Святой земле. Между январем и мартом 1930 г. оно предприняло меры по усилению палестинских вооруженных формирований. Была увеличена численность полиции; в Палестине также остались введенные в нее во время беспорядков два британских батальона [6, р. 50]. Но всем становилось ясно, что мир в Палестине не может держаться исключительно на британских штыках и обещаниях. Нормализация обстановки в Палестине была возможна лишь при достижении компромисса между противостоящими сторонами, в противном случае британскому правительству нужно было задуматься о серьезном увеличении своего военного присутствия в Палестине. Увеличение же расходов на вооруженные силы на Святой земле не могло получить одобрения в английском обществе. Выступая в Палате общин, парламентарий Маркус прямо поинтересовался: за чей счет будут оплачены дополнительные расходы на содержание армии в Палестине. И заместителю министра по делам колоний Шилсу пришлось заверить парламентариев, что на британскую казну ляжет только содержание британской жандармерии, в остальном же финансирование администрации Палестины будет осуществляться из палестинской казны [9].

В условиях дестабилизации обстановки на Святой земле главный вопрос, который волновал британское правительство, заключался в том, какие причины привели к беспорядкам и кто ответственен за их организацию. 13 сентября 1929 г. лорд Пасфилд направил в Палестину королевскую комиссию из четырех человек во главе с бывшим главным судьей Уолтером Шоу с тем, чтобы «расследовать непосредственные причины недавней вспышки насилия и выработать рекомендации относительно шагов, которые необходимо предпринять для неповторения беспорядков» [6, р. 46]. Эта комиссия пробыла в Палестине с конца октября до конца декабря 1929 г.

30 марта 1930 г. комиссия под председательством Уолтера Шоу опубликовала результаты своей работы. В представленном отчете комиссия, конечно, прежде всего всячески старалась выгородить английскую администрацию. Войска и полиция, говорилось в отчете, не повинны в кровавых столкновениях - они действовали весьма умеренно и гуманно. (За храб-

рость, проявленную в событиях 24 августа 1929 г., начальник полиции г. Хеврона Кафферат был представлен к награде, несмотря на то, что еврейская сторона обвиняла его в том, что он слишком поздно прибыл к месту погромов) [8].

Комиссия высказала предположения относительно причин беспорядков, хотя формулировки, использованные в ее отчете, не всегда позволяли однозначно трактовать сделанные выводы. С одной стороны, комиссия Шоу возлагала непосредственную ответственность за кровопролитие на арабов, так как никакой особой причины этого насилия вроде убийств, ранее совершенных евреями, ею установлено не было. С другой же стороны, она подчеркнула, что непосредственным поводом для актов насилия стала манифестация сионистов-ревизионистов (наиболее радикальное крыло ВСО) 15 августа 1929 г.

Специальные уполномоченные настаивали, что арабское нападение было стихийным и не было направлено против британской администрации [6, p. 46]. Они не нашли и подтверждения подстрекательства к беспорядкам со стороны муфтия Амина аль-Хусейни: акты насилия имели место в ряде городов, например, в Хевроне, где влияние муфтия было слабым, и не имели места во многих городах, где его влияние было значительным. К тому же члены комиссии пришли к выводу, что призыв к арабам прийти на защиту мечети Харам аль-Шериф был фальсификацией, возможно, написанной даже не арабом [4, с. 52].

Но главное, в отчете было сказано: «...основной причиной, при отсутствии которой, по нашему мнению, беспорядки либо не имели бы места, либо не вышли бы за рамки местного брожения, со стороны арабов является чувство недоброжелательства и вражды по отношению к евреям, связанное с разочарованием в возможности удовлетворить свои политические и национальные устремления и со страхом за свое экономическое будущее... Это чувство в настоящее время основано на двояком опасении со стороны арабов в том смысле, что путем еврейской иммиграции и скупки евреями земель они могут быть лишены средств к существованию, а со временем перейти под политическое господство евреев» [10]. Фактически именно комиссия Шоу впервые подняла публично проблему арабской безземельности и проблему скупки арабской земли. Комиссия указала также, что арабы разочарованы отсутствием прогресса в деле создания самоуправления и тем, что, в отличие от евреев, у которых было Еврейское агентство, они не имеют непосредственного канала связи с палестинским правительством [11].

В заключение комиссия Шоу дала следующие рекомендации британскому правительству. Во-первых, правительству Его Величества необходимо более четко сформулировать политический курс, которого оно намерено придерживаться. Эта формулировка должна состоять из четких и уверенных определений, которые обеспечат защиту прав нееврейских общин Палестины. Во-вторых, правительство должно учитывать в иммиграционной политике мнение нееврейского населения, а также экономическую способность страны принять новых жителей. В-третьих, требуется прекращение на время сгона крестьян с земель и упорядочение земельного вопроса. В-четвертых, правительство должно подтвердить то положение «Белой книги» 1922 г., что палестинские сионистские организации не имеют никакого особого права в управлении страны. В-пятых, необходимо четко определить права обеих общин при совершении религиозных обрядов у Стены плача. В-шестых, пра-

вительство должно привести в порядок палестинское законодательство с тем, чтобы иметь специальные статьи за совершения преступлений, направленных на нарушение мира и порядка. Наконец, в-седьмых, правительство должно воздержаться от сокращения вооруженных сил в Палестине и сформировать дополнительный отряд констеблей [6, p. 47]. Иными словами, в докладе отмечалось, что правительство пока не выработало точную формулировку своих обязательств по отношению к нееврейским общинам, а значит, должно заняться этим в будущем. Но главное, комиссия рекомендовала заморозить на время реализацию идеи создания еврейского «национального очага» во избежание продолжения беспорядков.

Не все члены комиссии Шоу согласились с ее выводами. В частности, лейборист Г. Спелл представил собственный отчет, в котором возложил ответственность за беспорядки на муфтия Амина аль-Хусейни. По его мнению, правительству следовало точнее придерживаться духа Декларации Бальфура. Спелл также выступал против ограничения иммиграции в Палестину [12].

Действительно, многие выводы комиссии Шоу были основаны не на фактах, а лишь на предположениях; всесторонний анализ ситуации в Палестине не был проведен. Тем не менее комиссия удалось уловить сущность беспорядков августа 1929 г. — их стихийность, и хотя многие считали, что «взрыв» ярости был спланирован заранее, с комиссией можно согласиться в том, что причины восстания следует искать скорее в социально-экономической сфере, нежели в политической.

Реакция религиозных общин Палестины на отчет комиссии Шоу была неоднозначной. Если арабская сторона с торжеством восприняла его, то «евреи пришли в ярость» [11]. В этой ситуации правительству Макдональда пришлось усилить маневрирование между арабской и еврейской сторонами. Этого требовало и то, что напряженность в Палестине могла оказать негативное влияние на общее положение англичан в регионе. Высказывалось предположение, например, относительно возможности подстрекательства муфтия Иерусалима к восстанию сирийских мусульман против французских властей со ссылкой на специальное письмо муфтия, обращенное к президенту мусульманского совета в Бейруте [13].

3 апреля 1930 г. премьер-министр Макдональд изложил в Палате общин свою концепцию палестинской политики, основанную на лавировании «между арабскими надеждами и еврейскими опасениями» [14, p. 89]. В соответствии с принципами этой политики лавирования Макдональд уверил Амина аль-Хусейни 13 мая, что «правительство Его Величества будет охранять арабские интересы в земельном вопросе». В то же время министр по делам колоний лорд Пасфилд не дал никаких обещаний арабской делегации относительно запрета продажи земли евреям, гарантируя лишь внесение изменений в законодательство, ограничивающее передачу земли [14, p. 90]. Кроме того, британское правительство объявило, что «широкие конституционные изменения, требуемые арабами, несовместимы с требованиями мандата» [6, p. 48].

Испытывая потребность в проведении обследования экономической обстановки на Святой земле, 6 мая 1930 г. Пасфилд дал указание Джону Хоуп-Симпсону подготовить доклад об экономическом положении Палестины. Хоуп-Симпсон двадцать семь лет проработал чиновником гражданской администрации в Индии, а затем занимал пост вице-председателя Комиссии Лиги Наций по расселению греческих беженцев. Его

личное знание Палестины было ограничено лишь ознакомлением с отчетами предыдущих комиссий. Тем не менее некоторые еврейские лидеры возлагали на вторую королевскую комиссию большие надежды, так как Хоуп-Симпсон способствовал обмену населением между Турцией и Грецией (часть греческого населения было переселено с территории Турции в Грецию, а турецкое население из Греции в Турцию). Сионисты предполагали, что он может вынести решение, по которому часть палестинского арабского населения будет перемещена в Трансиорданию или Ирак, освободив тем самым земли под еврейские поселения [14, p. 91].

Прибыв в Палестину 20 мая 1930 г., Хоуп-Симпсон провел там два месяца, собирая данные и посещая арабские деревни и еврейские поселения. (Необходимо отметить, однако, что он посетил области площадью лишь 6,544 млн дунамов, или примерно 40% территорий, обследованной ранее комиссией Шоу [6, p. 53]). Окончательный отчет комиссии Хоуп-Симпсон, подготовленный к августу 1930 г., был разделен на три части. В первой части рассматривался земельный вопрос. По мнению комиссии, при существовавших методах обработки земли свободных территорий для расселения новых иммигрантов в Палестине не было — не считая целинных земель, которые уже приобрело Еврейское агентство: «Ошибочно думать, что правительство владеет большими областями свободных земель, которые могли быть доступными для еврейской колонизации» [6, p. 54]. Если даже земли, не занятые евреями, одинаково разделить среди арабского населения, сделала вывод комиссия, ее будет недостаточно для нормального существования каждой арабской семьи. Во второй части своего отчета комиссия Хоуп-Симпсона остановилась на вопросе развития Палестины. Главный вывод, сделанный в этой части отчета, состоял в том, что единственный путь, благодаря которому мандат мог быть осуществлен, заключался в агрикультурном развитии Палестины.

Третья часть отчета комиссии была специально посвящена вопросу еврейской иммиграции. Перспективы дальнейшей иммиграции оценивались достаточно сдержанно. Кроме переселения 20 тыс. семей с учетом складывания благоприятных экономических условий в Палестине комиссия не видела необходимости в дальнейшей еврейской ее колонизации. Она приводила такой довод: «Если есть подходящие безработные арабские труженики, неправильно импортировать еврейских рабочих из других стран для заполнения имеющихся свободных мест».

В отчете второй королевской комиссии был сделан, однако, и еще один очень важный вывод. В нем говорилось: так как еврейский капитал был импортирован с определенной целью — с целью использования еврейского труда — арабы не извлекли бы никакой пользы от прекращения притока евреев, а следовательно и притока капитала. Фактически арабам было бы лучше, если бы они позволили притоку евреев продолжаться, поскольку расход еврейского капитала в форме выплаты заработной платы приведет, в конечном счете, к спросу на услуги части безработных арабов [6, p. 55]. И все же комиссия Хоуп-Симпсона призывала ограничить еврейскую иммиграцию в Палестину. Поэтому сионисты подвергли комиссию критике, обвинив ее в недостаточной фактической обоснованности. Но в Великобритании результаты исследования Хоуп-Симпсона стали весомым аргументом в деле выработки дальнейшей политики на Святой земле.

Таким образом, и первая, и вторая королевские комиссии 1929 — 1930 гг. подтвердили необходимость пересмотра политики в Палестине — прежде всего в вопросе продолжения содействия целям сионистских организаций. Тем самым комиссии дали лорду Пасфилду повод поднять вопрос о пересмотре условий мандата на Палестину, а возможно, даже и об отказе от создания в Палестине еврейского «национального очага».

Основные причины корректировки британского палестинского курса в 1929 — 1930 гг. лежали в большей степени социально-экономической обстановке в Палестине, нежели в политической. Британское правительство должно было в иммиграционной политике более внимательно учитывать мнение нееврейского населения, а также экономическую способность страны принять новых жителей.

Британскому правительству к 1930 г. становилось отчетливо ясно, что если они не внесут существенные корректировки в свой палестинский курс, то ситуация в Палестине может оказать негативное влияние на общее положение англичан в регионе.

Библиографический список

1. Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the administration of Palestine and Trans-Jordan for the year 1938. — L., HMSO, Colonial No. 166. — 1939. — P. 93.
2. Судейкин, А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами / А. Г. Судейкин. — М., 1976. — С. 161.
3. Кон-Шербок Ден, эль-Алами Дауд. Палестино-израильский конфликт; пер. с англ. В. Новикова / Кон-Шербок Ден, эль-Алами Дауд. — М., 2002. — 320 с.
4. Пырлин, Е. Д. 100 лет противоборства / Е. Д. Пырлин. — М., 2001. — 480 с.
5. О'Брайен, Коннор Осада. В 2 кн.; пер. с англ. М. Липкин / Коннор О'Брайен. - Иерусалим, 1990. — Кн. 1. — С. 44.
6. Great Britain and Palestine. 1915-1945. Information papers No. 20. — L., Royal institute of international affairs, 1945.
7. The Political History of Palestine under British administration // Memorandum by His Britannic Majesty's Government presented in July 1947 to the United Nation Special Committee on Palestine. — Jerusalem, 1947. — P. 9.
8. Great Britain-Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 232. No.39. (2 November 1929). — L., 1929. — Col. 478 — 479.
9. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 234. No.75. (5 February 1930). - L., 1930. - Col. 1893-1895.
10. Десятков, С. Г. Английская политика в Палестине в 1917 — 1939 гг. / С. Г. Десятков, А. Г. Судейкин // Проблемы британской истории. — М., 1982. — С. 36.
11. Лакер, В. История сионизма; пер. с англ. А. Блез, О. Блез / В. Лакер. — М., 2000. — С. 697 — 698.
12. Судейкин, А. Г. Политика Англии на Ближнем Востоке в 1920 — 1930 гг. и ее советская историография // Проблемы британской истории / А. Г. Судейкин. — М., 1984. — С. 238.
13. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 237. No.120. (9 April 1930). — L., 1920. — Col. 2152.
14. The land question in Palestine. 1917 — 1939 / By Kenneth W. Stein. — Chepel Hill and London, 1984. — 314 p.

ШАПОВАЛОВ Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.
Адрес для переписки: e-mail : shapovalov_ms@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2010 г.

© М. С. Шаповалов

РАЗМЕЩЕНИЕ И ВВОД В ДЕЙСТВИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СТАЛИНСКЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивного материала проанализированы проблемы размещения и ввода в действие эвакуированных промышленных предприятий в годы войны на примере Сталинска. Рассмотрена деятельность директоров предприятий по решению вопросов, связанных с работой заводов по выпуску продукции. Уделено внимание проблеме рабочих кадров на данных предприятиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, промышленность, эвакуация, выпуск продукции, рабочие кадры.

Неблагоприятная обстановка на фронте обусловила необходимость эвакуации предприятий промышленности из западных районов на восток страны, в частности в Сибирь. Для выбора объектов, места и сроков эвакуации 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации при СНК СССР. При выборе места Совет учитывал наличие в регионе не только железнодорожных путей, сырьевой базы, но и подобных или смежных отраслей промышленного производства. Одним из таких регионов стала Новосибирская область, в частности г. Сталинск¹ (ныне — Новокузнецк), который был отнесен к режимной местности первой категории.

Выбор Сталинска был продиктован экономическими факторами. Он располагался вблизи крупнейшей топливной базы (Кузнецкий угольный бассейн) и предприятий горнорудной промышленности. В самом городе каменноугольная промышленность была представлена шахтами треста «Куйбышев-уголь». Самым крупным промышленным предприятием являлся Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), построенный в годы первых пятилеток, к началу войны работавший на полную проектную мощность. В период третьей пятилетки было развернуто строительство второго КМК, ферросплавного и алюминиевого заводов, ряда предприятий машиностроения. К июню 1941 г. по основным предприятиям были разработаны проектные задания, проведены изыскательные работы, отведены строительные площадки, начато строительство временных сооружений. Капитальное строительство на промышленной площадке заводов не было начато.

По решениям ГКО, Совета по эвакуации и СНК СССР в Новосибирскую область было эвакуировано из районов прифронтовой полосы и районов временно оккупированных свыше 130 промышленных предприятий [1]. Из них, по данным на 1 апреля 1942 г., 27 были размещены в Сталинске [2]. По решениям Исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся все предприятия размещались на промышленной площадке КМК и на площадках строящихся заводов, за исключением заводов № 252 и 192.

На основе эвакуированного оборудования были построены: завод «Красный тигель» (№ 312), заводы № 252, 192, 526 и завершено строительство ферросплавного, алюминиевого, цементного заводов и заводов металлоконструкций.

Все эвакуированные в область предприятия НКЧМ разместили в Сталинске, в производственных помещениях КМК. С августа 1941 по апрель 1942 г. полностью или частично прибыло оборудование таких предприятий как: Днепропеталь, Макеевский, Мариупольский и Ворошиловградский коксохимические заводы, Пантелеймоновский динасовый и Часовоярский шамотный заводы, механический цех завода им. К. Либкнехта, Славянский и Дебальцевский машиностроительные заводы, Харцызский трубопрокатный и Славянский литейно-механический заводы. В начале 1942 г. появились новые цеха: электросталеплавильный, сортопрокатный, новомеханический, литейно-механический и механический цех № 6. Концентрация производственных мощностей позволила КМК в годы войны стать крупнейшим высокоэффективным предприятием по производству стали, чугуна и проката. В ряде новых цехов удалось наладить выпуск специальной продукции: гильз для 122 мм и 152 мм снарядов, штамповку 76 мм снарядов, выпуск 76 мм снарядов и авиабомб, штамповку поддонов и колец для гильз 152 мм и 122 мм. В 1945 г. выпуск боеприпасов постепенно был свернут.

На площадке металлургического комбината был размещен завод «Красный тигель» Наркомата станкостроения, эвакуированный из Луги Ленинградской области по решению ГКО от 11 июля 1941 г. [3]. Он являлся единственным предприятием СССР по выпуску графитовых тиглей для авиационной, танковой промышленности и других оборонных наркоматов. 1 сентября 1941 г. предприятие приступило к работе, частично на своем оборудовании, частично на оборудовании КМК. После окончания войны завод был реэвакуирован.

Часть оборудования Запорожского ферросплавного завода НКЧМ было эвакуировано на стройку Кузнецкого ферросплавного завода (КЗФ), что значительно

ускорило его строительство. Постановлением СНК СССР от 29 августа 1941 г. предусматривалось ввести первую очередь в эксплуатацию 1 марта 1942 г. Первая печь вступила в строй 7 июля 1942 г.

Из числа предприятий НКЦМ в ноябре 1941 г. в Сталинск прибыла часть оборудования Днепропетровского алюминиевого завода, которое было размещено на площадке строившегося Сталинского алюминиевого завода (СтАЗ). В январе 1943 г. был получен первый сибирский алюминий.

До войны в области не было ни одного предприятия НКВ, в конце 1941 г. сюда прибыло 7 предприятий. В Сталинск был эвакуирован завод № 526 (стройка) из Дарницы (УССР) на стройку хлопчатобумажного комбината, согласно решению ГКО за № 4 сс от 3 июля 1941 г. На основании решения ГКО от 12 декабря 1941 г. и приказа НКВ за № 529 с от 16 декабря 1941 г. на завод было переброшено оборудование завода № 2, работающего в Коврово. Главная задача, стоявшая перед предприятием, — производство пулеметов Дп и Дт. После войны выпуск вооружения прекратился, завод стал производить гражданскую продукцию.

По постановлению ГКО от 20 июля 1941 г. из Москвы в Сталинск был эвакуирован завод № 252 наркомата судостроения. Решением исполкома Новосибирского областного совета депутатов трудящихся предприятие разместили в зданиях: Сибирского института черных металлов (СИЧМ), школы № 26, универмага, гаража [4]. Завод специализировался по выпуску морских приборов управления артиллерийским зенитным огнем (МПУАЗО) для пушек К-34 и К-39 калибра 76 мм и пушек Б-34 калибра 100 мм. Эти приборы после монтажа на корабле, синхронно связываемые между собой электрическими кабелями, составляли систему, именуемую шифром «Союз» [5]. Кроме системы «Союз» завод изготовлял менее сложные приборы: БИС, СП, РАП, МТУ-2. На площадях СИЧМ была размещена часть оборудования московского завода № 192, родственного заводу № 252. В сентябре 1941 г. начал работу завод № 252. В конце декабря — № 192, но в марте 1942 г. был эвакуирован, часть его цехов была передана заводу № 252.

Одной из основных задач, поставленных перед заводом № 252 на 1942 — 1943 гг., было создание в Сталинске восточной базы по приборам управления артиллерийским огнем для Тихоокеанского флота. Сталинск не смог стать базой из-за непригодности и крайней разбросанности занимаемых заводом помещений. В октябре 1943 г. завод был эвакуирован в Москву.

Предприятия НКСтроя, эвакуированные в город, влились в трест «Сталинскпромстрой», ускорили строительство цементного завода и завода металлоконструкций. По решению Совета эвакуации от 9 августа 1941 г. в Сталинск на площадку, отведенную сталинскому заводу металлоконструкций, был эвакуирован завод конструкций и мостов им. В.М. Молотова из Днепропетровска.

Перед эвакуированными предприятиями стояла задача как можно быстрее начать выпуск военной продукции, поэтому восстановление производства происходило в сжатые сроки. В первую очередь были введены в строй те предприятия, оборудование которых прибыло полностью: «Красный тигель», № 252, 192. Труднее было пустить предприятия, оборудование которых прибыло частично, и они были размещены на стройплощадках. Их строительство шло ускоренными методами по урезанным проектам, несмотря на это сроки ввода в эксплуатацию СтАЗа,

КЗФ, завода № 526 и цементного завода пересматривались и переносились на более поздний срок.

Наладить эффективное производство удалось не сразу. Типичными трудностями были: медленный монтаж и ремонт оборудования, перебои в снабжении основным сырьем и недостаточные лимиты снабжением электроэнергией, строительный брак и недоделки, отсутствие квалифицированной рабочей силы. В этих условиях очень много зависело от руководителей предприятий. Одним из примеров может служить М.Н. Гончаров. До войны он был назначен директором завода стальных конструкций и мостов им. Молотова в Днепропетровске. В августе 1941 г. руководил основной эвакуацией завода, которая прошла успешно. 10 сентября оборудование предприятия прибыло в Сталинск почти полностью. Постановлением правительства и приказом Наркома по строительству М.Н. Гончаров в первую очередь обязан был организовать выпуск боеприпасов (ЗАБ и ХАБ) [6]. Чтобы как можно быстрее начать выполнять задание, оборудование завода устанавливалось в недостроенных мастерских, где отсутствовали пол, двери, конструкции для трансмиссий [7]. К середине октября была выпущена первая продукция, в ноябре и декабре 1941 г. коллектив предприятия уже перевыполнял план. Директор завода за организацию нового вида производства в короткий срок был награжден значком «Отличник соцсоревнования» НКСтроя [8]. Основную продукцию — металлоконструкции и мосты — предприятие начало выпускать с декабря 1942 г. М.Н. Гончаров зарекомендовал себя как хороший руководитель, в апреле 1943 г. бюро Кемеровского обкома ВКП(б) утвердило его секретарем обкома ВКП(б) по строительству и строительным материалам.

Не все директора могли справиться с поставленными задачами и наладить эффективное производство, в результате их карьера как руководителей заканчивалась. Яркий пример директора завода № 526. После эвакуации предприятия в Сталинск М.С. Новиков продолжил работать директором завода. К концу декабря 1941 г. имелись производственные площади, где можно было полностью разместить оборудование технологической цепочки для производства пулеметов Дп и Дт. Постановлением ГКО от 12 декабря 1941 г. № 1018/а предусматривалось пустить завод 15 января 1942 г. Из-за того что большая часть оборудования нуждалась в ремонте, отсутствовали режущий и мерильный инструменты, специальные приспособления, необходимые для производства пулеметов [9], дважды были сорваны сроки пуска в эксплуатацию завода. Выпуск продукции для фронта пехотного пулемета Дп начался только в июне 1942 г.

Анализ работы пускового периода июнь-июль 1942 г. показал, что завод сравнительно значительное время не мог наладить нормальный производственный процесс и планомерный выпуск продукции. Главными причинами являлся дефицит оборудования, технологического оснащения, квалифицированных рабочих кадров, также отсутствие трудовой и технологической дисциплины. Данные факторы привели не только к потере ценного времени, производительности, созданию пробок в производстве, но и к большому количеству брака. Например, по ведущим деталям, из партии 45 коробок, запущенных в производство, вышло годных 1 шт., из 100 коробок вышло 5 штук, из партии 42 шт. затворов, запущенных в операцию № 3, вышло годных 3 шт., остальные ушли в брак [10]. 21 июля 1942 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) обсудило работу предприятия и пришло к выводу, что плохая работа завода является

следствием неудовлетворительного руководства директором М.С. Новиковым. Приказом НКВ СССР № 151/к от 28 июля 1942 г. М.С. Новиков был освобожден от занимаемой должности, новым директором предприятия стал Н.А. Дубасов.

Завод получил оборудование и значительное количество квалифицированных рабочих и ИТР из Сталинграда, было налажено снабжение материалами. Руководство предприятия, имея все возможности для нормальной работы, не смогло наладить работу по графику. Оно делало все возможное, чтобы скрыть недостатки работы завода. Например, октябрьская программа ГКО была утверждена в 500 пулеметов. Директор завода и руководитель бригады НКВ М. Гандилевский 1 ноября 1942 г. сообщили в НКВ о выполнении программы октября на 101 %. Коллективу завода была присуждена третья премия за хорошую производственную работу. Проверкой было установлено, что заводом октябрьская программа была не выполнена. Фактически на 1 ноября было сдано военпреду только 315 пулеметов, остальные 190 шт. не были собраны из-за отсутствия ряда деталей. Из числа собранных после 31 октября и вошедших в выполнение октябрьского плана было еще отбраковано 11 машин. В итоге директор завода был исключен из партии [11].

На партийном собрании потребовали изменить стиль работы и добиться войти в график работы. Нормальная работа завода началась с середины ноября, в результате этого завод выполнил свою программу на 100%. В декабре завод перевыполнил план, сдав вместо 600 пулеметов 606.

В первом квартале 1943 г. завод в основном освоил выпуск второго вида боевой продукции - танковый вариант пулемета (Дт). С апреля 1943 г. завод перестал справляться с выпуском продукции. В результате пришлось остановить работу двух цехов. Чтобы помочь заводу, первый секретарь Новокузнецкого горкома партии В.А. Москвин неоднократно обращался к секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову. В результате этого нарком вооружения Д.Ф. Устинов приказом 271/к от 30 ноября 1943 г. назначил нового директора завода Н.Н. Денисенко. Под руководством нового директора в 1944 г. план по валовой продукции был выполнен на 103,7 %, а по товарной на 102 % [12], была снижена себестоимость продукции. За первые восемь месяцев 1944 г. завод завоевал второе и третье место во Всесоюзном социалистическом соревновании среди заводов НКВ [13].

Для нормальной работы предприятий, особенно в условиях нехватки сырья, имело значение изменение технологии производства. Например, в середине 1943 г. на алюминиевом заводе, где фактически отсутствовал запас глинозема, встал выбор остановить половину работающих ванн, либо изыскать пути для сохранения ванн в рабочем состоянии. Было принято решение снизить силу тока, а позже применить обратный ток [14]. В результате потребление глинозема было сокращено вдвое, что позволило избежать отключения ванн. С возобновлением поставок сырья, ванны были переведены на обычный режим работы.

Руководители предприятий изыскивали различные возможности снабжения производства сырьем. На заводе № 312 собственными силами был извлечен и пущен в производство графит из доменных скрапов и тигельного черепа, что дало возможность выпустить дополнительное число тиглей [15].

Самой сложной проблемой было обеспечение предприятий рабочей силой. В ходе эвакуации заводов многие работники отказались ехать в места разме-

щения, другие просто не успели из-за стремительного продвижения противника, часть рабочих ушла добровольцами на фронт. На 1 февраля 1942 г. в Сталинске было размещено 11024 человека, из них, прибывших вместе с эвакуированными предприятиями рабочих, служащих и членов их семей 7644 [16]. К осени число эвакуированных выросло до 19500 человек. Прибывшего населения не хватало для обеспечения рабочей силой всех предприятий. На таких предприятиях как СтАЗ, КЗФ, № 526 в период пуска в эксплуатацию приходилось полностью формировать рабочий коллектив.

Главными источниками пополнения рабочей силой стали школы ФЗО и РУ, оргнабор трудоспособного населения в порядке мобилизации из других краев и областей, привлечения населения не занятого на производстве (женщины, пенсионеры, молодежь). До конца войны все предприятия испытывали недостаток в рабочих и служащих. Ее недостаток компенсировался за счет перевода рабочих отдельных профессий и целых участков на удлинённый рабочий день и временных или постоянный перевод рабочих дефицитных профессий из других цехов.

Большинство рабочих, прибывавших на предприятия города, часто не имело квалификации и стажа работы или имело низкую квалификацию и маленький стаж работы. Например, на КЗФ, в период пуска печей, в плавильном цехе из 250 рабочих ни один не имел квалификации, стаж работы имели только 30 человек [17]. Поэтому на предприятиях организовывалось обучение новичков на рабочих местах. Они прикреплялись к лучшим работникам или бригадирам, проходили курсы техминимума и целевого назначения, но данные способы не давали быстрого эффекта. Проблема квалификации кадров сохранялась до конца войны, что отражалось на работе предприятий.

Так же усложняла работу заводов нестабильность кадрового состава. Текучесть рабочей силы прослеживалась в течение всей войны в связи с пуском новых мощностей, с призывом рабочих на фронт, уходом на учебу, увольнением по состоянию здоровья, семейным обстоятельствам и самовольным уходом с предприятия. За счет этого на отдельных предприятиях количественный и качественный состав рабочих обновлялся наполовину.

На предприятиях испытывали недостаток в инженерах и техническом персонале (ИТР). Среди имеющих ИТР половина не имела высшего профессионального образования, являлась практиками. Например, на КЗФ в 1942 г. из 73 ИТР высшее образование имели 24, среднетехническое — 11, а остальные 38 были практиками.

Большую работу пришлось провести, чтобы создать приемлемые условия жизни для рабочих, особенно эвакуированных. Главной проблемой было обеспечение жильем. Она решалась за счет уплотнения населения, подселения в частные дома и квартиры к местным жителям. В 1942 г. на одного человека приходилось менее 2 кв. м жилой площади. В этих условиях руководителям предприятий доводилось решать бытовые конфликты. Дирекция завода № 526 многократно обращалась к прокурору и секретарям райкомов партии для привлечения к ответственности домохозяев за издевательство над подселенными рабочими завода. Шло строительство нового жилья, благодаря этому к 1944 г. положение улучшилось. Например, на одного рабочего Сталинского алюминиевого завода стало приходиться 3,4 кв. м жилой площади [18].

Введенное в годы войны нормированное снабжение продовольствием позволило обеспечить население необходимым минимумом основных продуктов питания. Значительная часть товаров централизованного поступления доходила до рабочих и служащих через систему закрытого распределения. На крупных предприятиях Сталинска создавались отделы рабочего снабжения (ОРСы). Важную роль в снабжении продуктами питания сыграли подсобные хозяйства предприятий, а также индивидуальное и коллективное огородничество рабочих и служащих.

Трудней всего было с промышленными товарами, в первую очередь с одеждой и обувью, в особенности у эвакуированного населения. Эвакуируясь из прифронтовой зоны, люди могли взять только минимум вещей. Приезжая на место, многие не имели сменной или теплой одежды. Ее отсутствие становилось причиной прогулов рабочих и служащих в зимние месяцы на протяжении всего периода войны.

Сталинск в годы войны за счет эвакуированных промышленных предприятий продолжал наращивать свою экономическую мощь. Несмотря на трудности, восстановление производства происходило в сжатые сроки, к началу 1943 г. все предприятия приступали к выпуску продукции. В целом за годы войны Сталинск дал стране: 7,93 млн т чугуна, 10,73 млн т стали и 7,39 млн т проката, 94,9 тыс. т ферросилиция, 27,8 тыс. т алюминия, 52,5 млн кг/емк. тиглей. Также был налажен выпуск оружия и боеприпасов.

Примечание

¹С 1943 г. Сталинск стал входить в состав городов Кемеровской области, которая была образована на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1943 г. «Об образовании Кемеровской области в составе РСФСР».

Библиографический список

1. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО) Ф. Р-1179. Оп. 1а. Ед. хр. 12. Л. 13.
2. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Ед. хр. 146. Л. 31-36; Ед. хр. 146. Л. 110–111.
3. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Ед. хр. 114. Л. 64.
4. Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области (далее НФ ГАКО) Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 211.
5. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Ед. хр. 142. Л. 2.
6. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Ед. хр. 147. Л. 170.
7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Ед. хр. 127. Л. 217.
8. Государственный архив Кемеровской области (далее ГАКО) Ф. П-1105. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 90.
9. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Ед. хр. 24. Л. 169.
10. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Ед. хр. 6. Л. 305 об.
11. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Ед. хр. 489. Л. 262.
12. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Ед. хр. 3960. Л. 2.
13. ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Ед. хр. 91. Л. 39.
14. НФ ГАКО. Р-81. Оп. 5. Ед. хр. 14. Л. 4.
15. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Ед. хр. 3942. Л. 36.
16. ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Ед. хр. 609. Л. 2.
17. НФ ГАКО. Р-203. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 14.
18. НФ ГАКО. Р-81. Оп. 5. Ед. хр. 32. Л. 42.

КАРСАКОВА Анастасия Николаевна, старший преподаватель кафедры истории.

Адрес для переписки: e-mail: nastia19830414@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 12.07.2010 г.

© А. Н. Карсакова

УДК 347.97 (571) (09)

Е. В. КУЧЕРЯВЕНКО

Омский государственный
аграрный университет

ИСТОРИЯ СИБИРСКОГО ПРАВОСУДИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОГО ПОИСКА

В статье рассматривается степень исследованности и разработанности проблемы сибирского правосудия кон. XIX – нач. XX веков, характеризуются основные периоды изучения сибирского суда по судебным уставам 1864 года, отмечаются характерные особенности изучения судебной реформы 1896 года в Сибири на современном этапе.

Ключевые слова: правосудие, суд, судебная реформа, судебные уставы.

Судебная система любой страны играет важную роль в становлении и развитии гражданского общества и правового государства. Она выполняет функцию действенной защиты прав граждан и влияет на формирование эффективной правовой системы. Большое значение судебной власти в современном обществе объясняет растущий к ней в последнее время интерес как со стороны юристов-профессионалов, так и со стороны научного сообщества. Это связано, в частности, с проведением в России судебной

реформы и разносторонним обсуждением всех плюсов и минусов действующей системы судопроизводства. Участники этой неофициальной дискуссии все чаще обращаются к историческому опыту зарубежных стран и особенностям российских реформ в области суда, акцентируя внимание на самой либеральной и беспрецедентной по силе воздействия на общество судебной реформе 1864 года. Современные исследователи отмечают одну из особенностей этого процесса: новая волна внимания к изучению судебной

реформы 1864 года характеризуется усилением регионального аспекта¹. В последнее время стали появляться работы, посвященные изучению и характеристике организации суда в конкретном регионе. Например, только за 2002 — 2008 гг. защищено несколько диссертаций, имеющих определенную региональную специфику. Тараканова Н.Г. рассмотрела особенности проведения судебной реформы в Пензенской губернии, Шелоумова М. Л. — в Ярославской, Масалимов А. С. — в Уфимской, Коваль С. П. — во Владимирской и Ярославской губерниях, Киселева А. В. — в Нижегородской губернии и др.²

Значимость регионального элемента в современных исследованиях о суде объясняется не только его научной, но и практической ценностью. Изучение правосудия в провинции позволяет выделить общие и специфические черты местной юстиции в сравнении с общероссийской судебной практикой. Подобный региональный анализ выделяет интересные факты деятельности судебных органов и обогащает историю функционирования системы правосудия в рамках страны.

Некоторые исследователи по вопросам судебной реформы 1864 г. отмечают возросший интерес не только к специфике реализации судебных уставов в различных регионах Европейской части России, но и подчеркивают увеличение научных работ о сибирском правосудии. В то же время большинство современных исследователей судебной реформы в Сибири до сих пор считают ее малоизученной.

Более того, несмотря на достаточно широкий интерес к судебной реформе в Сибири в дореволюционной литературе, внимание к особенностям организации суда носило фрагментарный, а не системный характер. В европейской России, на территории которой были введены Судебные уставы 1864 года, новая судебная система подверглась тщательному научному анализу и, как следствие этого, был сформирован достаточно мощный теоретический фундамент, способный стать действенным инструментом корректировки судебной реформы и повышения эффективности судебной власти. Этому способствовал и тот фактор, что введение судебных уставов носило длящийся характер. Так, «судебные уставы вводились в действие на протяжении трех с половиной десятков лет по положению, одобренному 19 октября 1865 г., начиная со столичных губерний. Петербургская и Московская судебные палаты были открыты лишь в 1866 г., Саратовская — в 1871 г. В западных губерниях начали применять Судебные уставы в полном объеме только в 1880 — 1883 гг.» [1].

В Сибири Временные правила о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири были введены на всей территории Сибири одновременно, формирование университетской науки только начиналось, поэтому процесс полноценного научного анализа не получил должного распространения и был сведен к критике отдельных законодательных положений и элементов системы судопроизводства. Главным источником информации о ходе проведения реформы на первоначальном этапе служила, главным образом, периодическая печать, на страницах которой ученые, юристы-практики и государственные деятели освящали отдельные стороны судебной жизни в Сибири и не проводили целостный анализ судебной системы края. И хотя Бузмакова О.Г. отмечает, что газеты и журналы, изложив на своих страницах основные положения реформы, не обошли вниманием отступление от уставов, по отношению к которым были критичны, анализ статей,

приведенных ею органов печати подтверждает институциональный подход в рассмотрении особенностей системы судопроизводства Сибири. Суд в Сибири рассматривался через призму критики введенных в регионе институтов и сравнение их с подобными органами в европейской части России.

Следует отметить еще одну особенность освещения судебной реформы 1896 г. в Сибири в дореволюционный период. Превалирование периодических источников в описании судебной реформы привело к тому, что внимание к сибирскому суду в значительной степени было обусловлено фактором времени. Такие черты в деятельности прессы как актуальность, популярность, эмоциональность и новизна, объясняют последующее снижение интереса со стороны периодической печати к судебной жизни Сибири. Как показывает анализ прессы, большинство статей о судебной реформе публикуются в первые три года после введения Временных правил о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири.

В советский период работ, непосредственно посвященных истории суда в Сибири, не издавалось. Судебная реформа в Сибири рассматривалась в контексте проведения преобразований Александра II на территории Степного края и в рамках общей политики самодержавия на окраинах Российской империи³.

В последнее время значительно возрос интерес к истории проведения судебной реформы в России. Количество статей, монографий, диссертаций, посвященных особенностям организации и функционирования судебных органов в Сибири, имеет устойчивую тенденцию роста.

Во-первых, данная тенденция обуславливается не только актуальным, но и практическим значением. На фоне проведения судебной реформы все более популярным становится применение аналогий в сфере организации и функционирования суда в России с привлечением отечественного исторического опыта. Современные исследователи судебной реформы подчеркивают, что «использование положительных результатов прошлого позволит скорректировать современные процессы реформирования правоохранительных органов, внести определенную новизну в принимаемые решения» [2] и отмечают существенное влияние исторического опыта, который «предполагает творческое отношение законодателей и к положительным результатам, с целью их использования, и к отрицательным, чтобы исключить промахи, которые имели место» [3].

Во-вторых, исследовательский потенциал данной проблемы достаточно большой и представляет широкие возможности для выбора направлений научного поиска и построения интересных и научно обоснованных гипотетических моделей.

Если до 2000 года проблемам судостроительства Сибири были посвящены только монографии Игнатьевой М.Н., то в последующие годы исследовательский интерес существенно возрос⁴. При этом отмеченная тенденция к региональной проблематике, свойственная научным работам центральной России, становится характерной особенностью исследовательского поля Сибири. Периоды становления, общая характеристика, структура и порядок организации судебных органов Западной Сибири даны в работах Крестьянникова Е.А. и Чечелева С.В.⁵ Особенности организации и становления судебной власти Восточной Сибири посвящено исследование Авдеевой О.А.⁶

С целью более детального рассмотрения деятельности судебных органов Западной Сибири появляются регионально ориентированные работы, а также

исследования о функционировании отдельных судебных институтов⁷.

Таким образом, на современном этапе исследования судебных преобразований и особенностей деятельности судебных органов в Сибири в конце XIX — начале XX вв. можно выделить следующие основные черты:

— по сравнению с прошлыми периодами изучения истории Сибири отмечается все более возрастающий научный интерес к сибирскому правосудию;

— исследования носят разноплановый характер и включают в себя различные ступени исследовательского поиска: научные статьи, монографии и диссертации;

— процесс изучения системы судопроизводства Сибири идет от общей характеристики судебной власти к конкретному и более детальному рассмотрению ее содержания с использованием двух основных подходов: выделение и усиление региональной составляющей и утверждением институциональных начал;

— формируется мощный научный фундамент, способный в перспективе решить проблему исследовательского «вакуума» в данном вопросе и создать условия для проведения полноценного и всестороннего научного анализа.

Примечания

¹ Бтикеева, М. А. Об исследовательских подходах к изучению судостройства и судопроизводства в Западной Сибири / М. А. Бтикеева // Российская правовая система. Пути повышения эффективности: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. — Омск, 2007. — С. 26 — 35.

² Тараканова, Н. Г. Судебная реформа 1864 г. в российской провинции: на примере Пензенской губернии: дис ... канд. ист. наук / Н. Г. Тараканова. — Саранск, 2002; Шелоумова, М. Л. Судебная реформа 1864 г. в России: по материалам Ярославской губернии: дис ... канд. юрид. наук / М. Л. Шелоумова. — М., 2004; Масалимов, А. С. Судебная реформа 1864 г. и практика ее реализации в Уфимской губернии / А. С. Масалимов. — Уфа, 2004; Коваль, С. П. Особенности проведения судебной реформы 1864 г. в Центральной России: на примере Владимирской и Ярославской губерний: дис ... канд. ист. наук / С. П. Коваль. — Иваново, 2006; Киселева, А. В. Основные этапы и особенности реализации судебной реформы 1864 г.: на материалах Нижегородской губернии: дис ... канд. ист. наук / А. В. Киселева. — Нижний Новгород, 2006.

³ Корягин, Б. Г. Проведение буржуазных реформ 60 — 70 гг. XIX в. в Западной Сибири: дис... канд. ист. наук / Б. Г. Корягин. — Томск, 1965; Дамешек, Л. М. Политика российского самодержавия в отношении народов Сибири в эпоху капитализма (1861 —

1917 гг.): дис... д-ра ист. наук / Л. М. Дамешек. — Иркутск, 1987; Кодан, С. В. Политика самодержавия в Сибири в XIX — начала XX вв. / С. В. Кодан. — Иркутск, 1988.

⁴ Игнатъева, М. Н. Судебная реформа в Сибири / М. Н. Игнатъева. — Якутск, 1993; Игнатъева, М. Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. / М. Н. Игнатъева. — Якутск, 1995.

⁵ Крестьянников, Е. А. Судебные преобразования в Западной Сибири в 1885 — 1917 годах: дис... канд. ист. наук / Е. А. Крестьянников. — Тюмень, 2002; Чечелев, С. В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: дис... канд. юрид. наук / С. В. Чечелев. — Омск, 2001.

⁶ Авдеева, О. А. Судебная система Восточной Сибири XVII — пер. пол. XIX в. (сравнительный анализ общеимперских и региональных начал): дис... канд. юрид. наук / О. А. Авдеева. — Екатеринбург, 2001.

⁷ Глазунов, Д. А. Проведение судебной реформы 1896 г. на территории Западной Сибири (по материалам Томской губернии): автореф. дис... канд. ист. наук / Д. А. Глазунов. — Барнаул, 2003; Гаврилова, А. В. Формирование и развитие института адвокатуры в Западной Сибири в период разработки и реализации судебной реформы 60-х гг. XIX в.: автореф. дис... канд. юрид. наук / Д. А. Гаврилова. — Омск, 2005; Бтикеева М. А. Реформирование судебных установлений Западной Сибири и их деятельность в кон. XIX — нач. XX вв. (по материалам Омской судебной палаты): автореф. дис... канд. юрид. наук / М. А. Бтикеева. — Волгоград, 2002.

Библиографический список

1. Киикова, Л. К. Преобразования судебной системы в контексте социально-политических проблем России второй половины XIX — начала XX века / Л. К. Киикова, А. В. Михеев // История государства и права / — 2007. — № 12. — С. 22.

2. Бтикеева, М. А. Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков (по судебным уставам 1864 г.) / М. А. Бтикеева. — Омск, 2001 — С. 4. — ISBN 5-88651-149-0.

3. Бтикеева, М. А. Об исследовательских подходах к изучению судостройства и судопроизводства в Западной Сибири / М. А. Бтикеева // Российская правовая система. Пути повышения эффективности: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. — Омск, 2007. — С. 27.

КУЧЕРЯВЕНКО Евгений Владимирович, аспирант кафедры истории и регионального развития.
Адрес для переписки: e-mail: kucheryavenkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.02.2010 г.

© Е. В. Кучерявенко

Книжная полка

Тарле, Е. В. Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I / Е. В. Тарле. — М.: АСТ Астрель, 2011. — 701 с.

История Северной войны. История героической борьбы русского народа за выход к Балтийскому морю. История противостояния двух гениальных монархов-полководцев — Петра I и Карла XII. Как удалось России не просто победить в Северной войне, но и воспользоваться плодами своей победы? Как создавался русский флот? Какие действия предпринимала в этот период российская дипломатия? Вот лишь некоторые из вопросов, на которые Е. В. Тарле отвечает в своей знаменитой монографии, переведенной на множество европейских языков.

КАДЕТЫ СИБИРИ В ПОИСКАХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ПЕРВЫЙ ГОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме эволюции представлений сибирских кадетов о формах организации и осуществления власти в крае в первый год Гражданской войны. Автор уделит основное внимание факторам, обусловившим переход представителей партии народной свободы на позицию поддержки диктатуры.

Ключевые слова: кадеты, диктатура, коалиция, социальный опыт, политическая практика, Гражданская война.

Уже историографическим стереотипом стало представление о кадетях как о пропагандистах и устроителях диктаторской власти в Сибири в годы Гражданской войны. Однако в работах исследователей проблема причин перехода кадетов на крайне правые позиции специально не ставилась, в лучшем случае — освещались лишь её отдельные аспекты. Так, среди историков бытует мнение, что быстрой эволюции кадетской программы в сторону поддержки диктатуры способствовало, во-первых, их сотрудничество с кругами, тяготевшими к «реставрационной» позиции (офицерством, генералитетом, промышленниками и т.п.) [1], и, во-вторых, отсутствие социальной поддержки у партии и как следствие — ставка только на военную силу [2, 3]. Таким образом, крайне важно выявить и охарактеризовать всю совокупность факторов, определивших эволюцию представлений кадетов о формах организации и осуществления политической власти в Сибири в начальный период Гражданской войны.

Выступление чехословацкого корпуса началось 25 мая 1918 г. внезапно как для большевиков, так и для их противников. Представители подпольных групп в первые дни пребывали в растерянности. Однако эсеры и военные круги, на протяжении зимы — весны 1918 г. готовящиеся к перевороту, быстро оправились от потрясения и включились в бурную политическую деятельность на территории освобожденной Сибири. Представителям же местных комитетов партии народной свободы понадобилось время для того, чтобы привести в порядок свои ряды и определиться со средствами борьбы с большевиками. Способы решения основных задач сибирским кадетам приходилось искать в условиях чрезвычайных. На решения влияла сама обстановка военного времени, давал о себе знать и политический опыт революции.

Ещё с ноября 1917 г. члены ПНС, объявленные декретом СНК партий врагов народа, подверглись преследованиям со стороны большевиков. К апрелю 1918 г. практически все либеральные издания (12 наименований) были запрещены местными Советами. Партия перешла на нелегальное положение.

Ситуация осложнилась отстраненностью местных кадетов от участия в формировании региональных органов управления. Решением декабрьского Чрезвычайного областного съезда (6 — 12 декабря 1917 г., Томск) кадеты как «цензовые элементы» были лишены возможности быть избранными в Сибир-

скую областную думу (СОД). «До Учредительного собрания в Сибири орган, контролирующий и законодательный, должен состоять исключительно из представителей демократии без участия цензовых элементов, что же касается до власти исполнительной, то она должна быть социалистической» [4], — говорилось в постановлении съезда. Таким образом, почти половина состава СОД избиралась советскими организациями. Представительство от буржуазных партий вообще было исключено. Наконец, спешно созданное в начале 1918 г. Временное правительство автономной Сибири оказалось фактически эсеровским (из 15 его членов 11 входило в партию социалистов-революционеров). Это отчасти обусловило слабое участие сибирских кадетов в антибольшевистском движении в первой половине 1918 г. Поэтому неудивительно, что генерал В.Е. Флуг в своем «Отчете о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г.» отмечал равнодушное отношение кадетов к вопросу об активной борьбе с большевиками [5].

В условиях начавшейся Гражданской войны некоторые представители партии народной свободы бездействовали. Но были и такие, как Г.К. Гинс, которые пытались сотрудничать с новой властью. Своё вступление в должность Управляющего делами Западно-Сибирского комиссариата Георгий Константинович объяснял чувством долга и ответственности перед Родиной. «В этот момент нужно было проявить много мужества, чтобы встать во главе власти, — говорил Г.К. Гинс. — Между тем нельзя было и прятаться за спины других. Несведущие, совершенно не подготовленные к практической работе люди могли сразу погубить начатое дело освобождения» [6].

Обособленно от других кадетов действовала дальневосточная группа, которая ещё с весны 1918 г. занималась подготовкой диктатуры. Свою позицию сторонников твердой власти, в корне расходящуюся с идеями парламентаризма и либерализма, которые всегда отстаивала партия народной свободы, дальневосточные кадеты объясняли обстановкой в стране. Так, в газете «Голос Приморья» от 7 июля 1918 г. говорилось: «В числе признавших только такой выход (речь идет о временной диктатуре. — Е.Л.) и партия кадетов... Это признание — величайшая скорбь для партии и для всех к ней примыкающих. Но это, бесспорно, диктовалось неотвратимыми требованиями момента» [7]. Необходимость твердой власти была вызвана самой логикой Гражданской войны и непо-

средственно связана с разворачивающимися на тот момент событиями в крае. В данном случае можно согласиться со словами лидера большевиков В.И. Ленина, который в своё время заметил, что «в период острейшей классовой борьбы не может быть никакого государства «чистой демократии»... либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии, середины не было»¹. И дальневосточные кадеты это хорошо понимали. Силе можно было противопоставить только силу.

Подходящей кандидатурой в Сибири на пост диктатора был генерал Д.Л. Хорват, фактический правитель КВЖД, комиссар Временного правительства Харбинской области. На предложение прибывших в его штаб в Харбин весной 1918 г. кадетов сформировать региональное правительство Д.Л. Хорват согласился. С кадетской помощью он организовал так называемый Деловой кабинет. Это своего рода правительство было полностью органом правого крыла антибольшевистского движения, состоявшим в значительной степени из кадетов.

Таким образом, к началу Гражданской войны в Сибири не сложилось единой политической областной организации, не определилось влиятельного центра, который бы координировал действия всех кадетских групп и направлял их деятельность в формате общей программы.

Первая (после освобождения Сибири, Заволжья и части Урала от большевистской власти) конференция организаций партии народной свободы, прошедшая в Омске в августе 1918 г., ярко продемонстрировала неопределенность во взглядах сибирских кадетов, которые в тот момент ещё находились в состоянии поиска подходящих средств борьбы с большевистской властью. Для некоторых делегатов конференции показалось возмутительным выступление В.А. Жардецкого, с полной уверенностью заявившего, что во имя спасения государства «должны быть признаны все приемы воздействия...» [8]. Только диктатура, по мнению лидера омских кадетов, могла предотвратить анархию и поставить точку в деле освобождения России от большевиков.

Отдельные участники конференции высказали свои опасения по поводу диктатуры. Так, Горчаков увидел в ней опасный путь, поскольку сама идея неограниченной власти противна народным массам, «которые худо ли, хорошо ли, успели проникнуться идеями народоправства» [8]. Делегат С.Б. Свержинский считал возможным введение диктатуры только в случае крайней необходимости, если не окажется иных способов, таковых, которые «не заставят нас... сделать шаги, противные духу партии Народной свободы» [8]. А необходимости в диктатуре, по мнению большинства сибирских кадетов, пока не было. Большие надежды практически весь цвет антибольшевистского движения в Сибири возлагал на Уфимское государственное совещание, которое должно было дать единую власть.

Принципиально новый этап в деятельности местных отделов ПНС начался в конце августа 1918 г., с прибытием в Сибирь В.Н. Пепеляева. Виктор Николаевич был направлен в край центральным комитетом партии. В своей деятельности В.Н. Пепеляев руководствовался инструкциями Национального центра, членом которого он являлся с момента создания тайной организации, и решениями Майской конференции ПНС 1918 г. Только во многом благодаря стараниям Пепеляева (он объездил всю Сибирь, посетил отдельные центры и познакомил их с директивами партии) все кадетские группы были объединены под началом единой политической программы. Её основные по-

ложения были сформулированы на конференции кадетов, проходившей в Москве с 13 по 15 мая 1918 г. Она очертила круг перспективных задач, вставших перед партией в послеоктябрьский период. Среди прочих требований было сформулировано принципиально новое, ставшее для некоторых членов партии неожиданным, — установление единоличной диктатуры [9]. Кадет П.И. Новгородцев, который озвучил эту идею в своем докладе, говорил об «исключительной важности переживаемого момента», что само по себе вынуждало партию совершить над программой тот «взлет», который мог дать национальное объединение [9].

Американский историк У. Розенберг склонен считать, что мысль о диктатуре родилась в голове В.Н. Пепеляева только после начала его пути на Восток и «особенно после обсуждения сибирской ситуации со своим братом Анатолием, бывшим царским полковником, а теперь командующим воинскими силами возле Омска» [10]. Есть основания полагать, что политические взгляды Виктора Николаевича сформировались гораздо раньше, под влиянием революционных событий 1917 г.

Разлагающее действие революции В.Н. Пепеляев смог почувствовать в Кронштадте, куда был назначен комиссаром Временного правительства в марте 1917 г. Впечатления от происходящего остались самые тягостные. «„Краса и гордость революции“ расхищала в одиночку и организованно казенное имущество и продавала его... Зацвели притоны под охраной дежурных гуляк, развились венерические болезни, пьянство... Людьями овладели и животный страх, и животная ярость, и злоба» [11], — констатировал комиссар Кронштадта в своих «Записках...». Корень зла, по мнению В.Н. Пепеляева, заключался в том, что само правительство не обладало всей полнотой власти, оно не смогло обуздать революционную стихию, ибо народом «овладела страсть к разрушению» [11, с. 71].

13 мая 1917 г. вышел конфликт между комиссаром Кронштадта и Советом относительно кандидатуры на должность начальника милиции. В.Н. Пепеляев официально подал в отставку, однако по решению местного Совета провел две недели в заключении. И как писал по этому поводу Л.А. Кроль, «В.Н. Пепеляев попал в каземат правым, а вышел архиправым»². Личный революционный опыт убедил лидера сибирских кадетов в бессмысленности заявленных ещё Временным правительством князя Г.Е. Львова формул — демократия, свобода, всеобщее избирательное право и т.п. Народ не мог уважать власть, так как подсознательно отрицал саму идею власти. Стало быть, спасти государство от окончательного развала, по мнению Виктора Николаевича, могла только сила. Отсюда неслучайно В.Н. Пепеляев с огромным уважением отзывался о генерале Л.Г. Корнилове и поддержал его выступлении против Временного правительства А.Ф. Керенского.

Идейным союзником В.Н. Пепеляева в Омске являлся известный публицист В.А. Жардецкий. Именно он, как никто другой, последовательно ещё с 1917 г. отстаивал идею сильной власти, осуждая «наивность» революционных правительств [12]. «Вот уже третий месяц, как мы пытаемся околовать, заворожить всю страну прекрасными словами, но что получается из этого, кроме одного говорения? Отечество несетя «на всех парусах» к гибели, к экономическому и финансовому краху, к анархии... а мы в это время, стоя на тонущем корабле, произносим свои заклинательные формулы, выносим резолюции, выкрикиваем лозунги и в этой словесной вакханалии кружимся, словно листья в ноябре» [13], — с разочарованием

писал о власти, установившейся в стране в ходе Февральской революции, В.А. Жардецкий.

Уже в конце 1917 г. с первой страницы ведущего печатного органа местных кадетов «Сибирской речи», редактором которой продолжительное время был В.А. Жардецкий, исчез прежний девиз: «Да здравствует парламентская демократическая республика», под которой газета выходила с момента своего основания в мае 1917 г. Всё отчетливее стала проявляться приверженность «Сибирской речи» к твердой власти. Октябрь и последовавшие за ним события только омрачили настроение и убедили В.А. Жардецкого в спасительности диктатуры. В январе 1918 г. под впечатлением бесславного краха Временного правительства он скажет: «Довольно болтовни... Надо спасти самую возможность государства в России, установить в ней порядок в самом грубом смысле этого слова...» [14].

Но пока все участники антибольшевистского движения готовились к Уфимскому государственному совещанию, где предстояло, наконец, решить вопрос о создании единой всероссийской власти, кадетские группы Сибири открыто не пропагандировали идею диктатуры, что свидетельствовало об их сомнениях относительно правильности выбранной позиции. Даже на самом Совещании единственный представитель центрального комитета партии народной свободы, Л.А. Кроль, неуверенно озвучивал мнение ЦК относительно диктатуры как наилучшей формы власти в настоящих условиях. Лев Афанасьевич отмечал, что «к великому несчастью для России... на фоне нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могли бы доверять такую власть..., поэтому приходится поневоле мириться с менее совершенной формой в виде директории»³. По настоянию участников Совещания, во имя соглашения вопрос о диктатуре был снят с повестки, и никто, в сущности, этой идеи не отстаивал.

Пока делегаты оговаривали в Уфе условия «договора», В.Н. Пепеляев обсуждал новую программу взаимодействия с генералом Д.А. Хорватом и кадетами Харбина. Из дневниковых записей Виктора Николаевича становится очевидным расхождение во мнениях кадетов в отношении к Директории. Тем не менее, во многом благодаря настойчивости и убедительности самого В.Н. Пепеляева, возобладала ставка на диктатуру. «Прошли мои тезисы. Левое течение поблудило. К «Всероссийскому» Правительству относятся в большинстве отрицательно» [15], — отмечает Виктор Николаевич в своем дневнике.

Предстояло собрать конференцию, которая должна была официально объединить все разрозненные сибирские кадетские группы под лозунгом «диктатуры». Первым шагом стало создание в начале ноября 1918 г. Восточного отдела ЦК, который предназначался для того, чтобы усилить вес кадетов как партии в тени военной диктатуры и мобилизовать общественное мнение.

Демонстративно отчужденно вел себя „левый“ кадет Л.А. Кроль. Ещё летом 1918 г. он разошелся во мнении с ЦК партии в решающем тактическом вопросе того времени. В воспоминаниях лидер уральских кадетов так разъяснял свою позицию: «В спасительность диктатуры я не только не верил, но и считал её гибельной для дела. Выступать с такой формулой — значило бесцельно повредить своей политической репутации и уменьшить возможное своё влияние налево» [16].

Представляя и «Союз возрождения», и ЦК партии народной свободы, он надеялся подготовить почву для национального объединения в Самаре, Челябинске и Омске. В своей политической деятельности уральский кадет руководствовался совместной програм-

мой «Союза возрождения» и «Национального центра», разработанной в конце июля — начале августа 1918 г. «Единая платформа» нацеливала на ведение работы по воссозданию государства «в полном единении»⁴. До созыва Учредительного собрания, что было возможно только после победы над большевиками, вся власть, предполагалось, должна перейти к Директории трех: главнокомандующему вооруженными силами и двум представителям социалистического и несоциалистического течений.

Сформированное в начале августа 1918 г. Л.А. Кролем временное областное правительство Урала действовало в духе революционных правительств князя Г.Е. Львова и А.Ф. Керенского. Его программа, по мнению современников, явно носила отпечаток воззрений Л.А. Кроля. Однако, не имея собственных вооруженных сил, правительство не получило возможность действовать самостоятельно, поэтому вскоре сошло с политической сцены.

Взгляды уральского кадета отчасти разделял и видный представитель партии народной свободы профессор Г.Г. Тельберг. По его мнению, печальный опыт деятельности кабинета А.Ф. Керенского, уподобившегося «крыловской тройке» [17], вовсе не доказывает неприемлемость коалиции. «Ошибка заключалась... в... её убийственной партийной форме...», — уверенно говорил Г.Г. Тельберг. — ... нам, наконец, нужны комиссары, для которых распоряжения центральной власти и требования закона составляли бы предмет беспрекословного исполнения, а не упражнения для партийной критики и партийного протеста» [17].

Тем не менее осенью 1918 г. сторонники коалиции столкнулись больше с противодействием, чем со стремлением к созданию широкой антибольшевистской коалиции. Политическое бессилие созданной на Уфимском государственном совещании Директории лишь подтвердило опасения тех кадетов, которые не верили в жизнеспособность коалиционных правительств. На своем примере Директория ещё раз продемонстрировала нежелание участников антибольшевистского движения преодолеть партийность.

Кадет Н.В. Устрялов в своей работе «Под знаком революции» подошел к вопросу о диктатуре с позиции исторической неизбежности. «Самая легкость переворота 18 ноября доказала, насколько он созрел и насколько он был органичен» [18], — писал Николай Васильевич. Н.В. Устрялов привел в качестве подтверждения своей позиции целый комплекс причин установления диктатуры в Сибири. Во-первых, Директория с первых дней своего существования продемонстрировала полную негодность справиться с задачами, которые стояли перед ней. Во-вторых, у правительства не оказалось социальной базы, не было опоры ни в военных кругах, ни в среде городской буржуазии и значительной части интеллигенции. «Крестьянство же, по обыкновению, „безмолствовало“, мечтая лишь о том, чтобы его оставили в покое..., рабочие же если к кому и тяготели, то уже скорее к большевикам, чем к уфимским правителям» [18, с. 140], — рассуждает автор. А в условиях пассивности сибирского населения, которое не понимало до конца смысла Гражданской войны, «нужно было либо отказать от мысли о вооруженной борьбе с большевизмом, либо пойти на милитаризацию правительства» [18, с. 141]. Естественно, что первое кадеты допустить не могли. И, наконец, сильным и вооруженным большевикам можно было противопоставить только сильную и вооруженную антибольшевистскую власть.

Кадет Г.К. Гинс иначе трактовал предпосылки установления диктатуры в Сибири. В своих рассуждениях Георгий Константинович апеллировал к не-

удачному опыту революционных правительств 1917 г. По мнению Г.К. Гинса, Временное Сибирское правительство П.В. Вологодского, в составе которого он проработал достаточное количество времени, не сумело проявить твердости к левым течениям; тем самым повторило судьбу Временного Российского правительства, сразу же попавшего в плен Петросовету [6, с. 36].

Ущербность Директории, с позиции Г.К. Гинса, заключалась в самой её сути — коллективности. «Каждая переменна ...состава, — обращается кадет к анализу опыта Временных правительств 1917 г., — была новой революцией, была переменной самой верховной власти, и это расшатывало престиж власти, авторитет которой основывается на её незыблемости, недостижимости» [6, с. 190]. А единоличная власть, наоборот, продолжает Г.К. Гинс, упрощает отношения, вносит большую определенность и ясность и вместе с тем большую устойчивость. «Меняются министры, меняется политика, а глава остается тем же, и государство не испытывает тяжелых потрясений» [6, с. 189], — рассуждает кадет. Поэтому, с позиции Г.К. Гинса, совершенно естественным и логичным был финал для Директории: на смену ей должна была прийти диктатура.

На Омской конференции партии народной свободы, состоявшейся в ноябре 1918 г., все коалиции были признаны как вынужденные меры. Кадеты проявили единодушие в осуждении «нереализуемых» демократических лозунгов, Учредительного собрания первого состава и социалистических правительств, подобных Комучу в Самаре. В своем выступлении В.Н. Пепеляев обратил внимание на два важных обстоятельства, объясняющих выбор кадетов в пользу диктатуры. В первую очередь, Виктор Николаевич отметил исключительную важность переживаемого страной момента. «Партия должна заявить, что она не только не страшится диктатуры, но и *при известной обстановке* (курсив. — **Е.В.**) считает её необходимой» [19], — обратился докладчик к делегатам конференции. Кроме того, В.Н. Пепеляев в своем докладе проводит параллели с событиями 1917 г., заявляя, что «для судеб России безразлично, по какому пути пойдет власть, создавшаяся на Востоке: будет ли она *безволием содействовать повторению кошмарных опытов революционного прошлого* или положит им властный предел» (курсив. — **Е.А.**) [19]. Громкий призыв В.Н. Пепеляева за военную диктатуру приветствовался с огромным энтузиазмом, становившимся общей политикой партии на протяжении второй половины 1918 — начала 1920 гг.

Таким образом, нельзя согласиться с теми исследователями, которые категорично утверждают, что вся Гражданская война была пройдена сибирскими кадетами под знаменем «диктатуры». Вопрос о политических пристрастиях местных партийных групп достаточно сложен. Взгляды сибирских кадетов сформировались не в одночасье. Позиция сторонников твердой военной власти стала результатом глубокого анализа всех обстоятельств развития настоящих событий, осмысления социального опыта революции 1917 г. видными представителями партии народной свободы в Сибири. Но особую роль в выработке единой для местных кадетских комитетов политической программы сыграл В.Н. Пепеляев, который в своей деятельности непосредственно руководствовался личным опытом, приобретенным в революционные дни в Кронштадте, а также директивами Национального центра и ЦК кадетской партии, направляющими на установление диктатуры в Сибири.

Дальнейшие поиски кадетов подходящих форм организации и осуществления власти в крае были свя-

заны с событиями периода правления А.В. Колчака, когда остро встал вопрос о создании Государственного Земского Сопровождающего Собрания.

Примечания

¹ Цит. по: Спирин, Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917 — 1920 гг.) / Л. М. Спирин. — М.: Мысль, 1968. — С. 271.

² Цит. по: Звягин, С. П. История «белой» Сибири в лицах: биограф. справочник / С. П. Звягин, М. В. Шиловский, В. Н. Пепеляев; под ред. Р. В. Дегтяревой. — СПб.: Нестор, 1996. — С. 39.

³ Цит. по: Мельгунов, С. П. Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. / С. П. Мельгунов; предисловие А. С. Кручинина. — М.: Айрис-пресс, 2005. — Кн. 1. Ч. I, II. — С. 312—313.

⁴ Цит. по: Иоффе, Г. З. Колчаковская авантюра и её крах / Г. З. Иоффе. — М.: Мысль, 1983. — С. 51.

Библиографический список

1. Конституционно-демократическая партия // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.: энциклопедия. — М.: РОССПЭН, 1996. — С. 271.
2. Думова, Н. Г. Кадетская контрреволюция и её разгром (октябрь 1917 — 1920 гг.) / Н. Г. Думова. — М.: Наука, 1982. — С. 195, 358;
3. Канищева, Н. И. Эволюция идеологии и программы кадетской партии в период Гражданской войны и эмиграции / Н. И. Канищева // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. — М.: РОССПЭН, 1999. — С. 339.
4. ГАРФ. Ф.Р. 176. Оп. 2. Д. 85. Л. 5.
5. Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции: в 22 т. — М.: Терра: Политиздат, 1991. — Т. 9. — С. 251.
6. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 — 1920 / Г. К. Гинс. — М.: Айрис-пресс, 2008. — С. 67—68.
7. ГАТО. Р. 72. Оп. 1. Д. 96. Л. 109.
8. Конференция организаций партии народной свободы Сибири и Урала // Заря. — 1918. — 25 августа.
9. Московская конференция партии народной свободы. Москва. 13 — 15 / 26 — 28 мая 1918 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. — М.: РОССПЭН, 2000. — Т. 3. Кн. 2. 1918 — 1920 гг. — С. 34.
10. Rozenberg, W. G. Liberals in the Russian Revolution / W. G. Rozenberg. — London: Princeton University Press, 1974. — P. 230.
11. «Один из возмутительнейших эпизодов нашей революции»: записки комиссара Временного правительства В.Н. Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте — июне 1917 г. // Исторический архив. — 2007. — № 4. — С. 97.
12. Жардецкий, В. А. О власти / В. А. Жардецкий // Сибирская речь. — 1917. — 14 ноября.
13. Жардецкий, В. А. // Сибирская речь. — 1917. — 27 мая. — С. 2.
14. Жардецкий, В. А. // Сибирская речь. — 1918. — 21 января. — С. 2.
15. Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь: лит.-худ. альманах. — Иркутск, 1989. — № 6. — С. 79.
16. Кроль, Л. А. За три года (Воспоминания) / Л. А. Кроль. — Владивосток, 1922. — С. 121.
17. Тельберг, Г. Г. Внепартийность правительства / Г. Г. Тельберг // Сибирская жизнь. — 1918. — 3 августа.
18. Устрялов, Н. В. Под знаком революции / Н. В. Устрялов. — Харбин, 1927. — С. 143.
19. II Общесибирская (Омская) конференция конституционно-демократической партии 15 — 18 ноября 1918 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. — М.: РОССПЭН, 2000. — Т. 3. Кн. 2. 1918 — 1920 гг. — С. 58.

ЛЮБЕЗНОВА Евгения Владимировна, старший преподаватель кафедры отечественной истории. Адрес для переписки: e-mail: zhenya1810@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.06.2010 г.

© Е. В. Любезнова

ОРГАНИЗАЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование посвящено организации и процессу становления политической партии «Единая Россия» на федеральном и региональном уровне. Отмечены особенности становления партии применительно к Омской области, а также автором показан процесс трансформации политических партий в конце 90-х — начале 2000-х годов.

Ключевые слова: политическая партия, становление, процесс трансформации.

Схожесть целей и задач привела к мысли о необходимости объединения основных центристских сил в одну структуру, одну партию — «партию власти». Так родилась мысль создать «Единую Россию», сформированную на базе общероссийских политических общественных организаций «Отечество», «Единство» и «Вся Россия», которые самостоятельно не смогли оказывать большого влияния на политическую ситуацию в стране.

Омская организация «Отечество» была создана осенью 1998 года по инициативе «Комитета политического центризма» и других объединений демократической направленности. В организационный комитет нового движения вошел мэр Омска Валерий Рощупкин, диапазон политических интересов которого был довольно широк: от сотрудничества с коммунистами до сочувствия молодым реформаторам. Председателем омского отделения «Отечества» стал А.И. Левченко — тоже фигура весьма примечательная. В 1993 году он возглавлял Союз предпринимателей, в 1994 году — Партию Российского Единства и Согласия, а в 1995 году — местное отделение одной из самых экзотических партий — «Партию любителей пива», которая в Думу, естественно, не прошла, но оставила о себе приятные воспоминания.

«Отечество» достаточно быстро оформилось и встало на ноги в нашем регионе. Насчитывая около 200 членов, к первой конференции в ее состав входило уже более 30 районных и городских организаций. Поворотным для «Отечества» стало решение о поддержке В.В. Путина на выборах Президента России. Однако, несмотря на быстро растущую популярность, оно все же с трудом завоевывало сторонников в российской провинции. Не оказывало движение и какого-либо влияния на избирателей Омска, которое не смогло выдвинуть ни одного депутата. Возникали трудности и в решении организационных вопросов. Были попытки расколоть местное отделение «Отечества», но, по словам А. Левченко, все же удалось сохранить целостность организации [1].

Стало очевидно, что единственной центристской силой, которая смогла бы выиграть выборы в российской глубинке, могла быть та, которая создана самими региональными лидерами. Необходима была политическая сила, которая стала бы в сознании избирателей гарантом сохранения политической стабильности, которая могла бы начать процесс оздоровления экономической и политической ситуации в стране.

И в то время, когда премьер Примаков не был отстранен от должности, а коммунистическое большинство Госдумы готовилось объявить импичмент Ельцину, группа наиболее известных и влиятельных руководителей субъектов Федерации, в том числе и Омский губернатор Л. Полежаев, заявила о создании избирательного блока «Вся Россия».

Новый избирательный блок имел две принципиальные особенности. Первая — «Вся Россия», в отличие от почти всех прочих избирательных объединений, построена не «под лидера». А значит, в ее деятельности главную роль играют не личные амбиции «вождей», а общность политических интересов участников блока. Иначе «Вся Россия» просто не состоялась бы. Вторая — «Вся Россия» является именно блоком и не может выставить на выборы свой общенациональный список. А значит, основной упор будет сделан на участие в выборах в Госдуму по одномандатным округам.

На конференции, состоявшейся в июле 1999 года, было принято решение учредить омскую областную организацию «Вся Россия». По словам руководителя Азовского национального района Бруно Рейтера, «Вся Россия» должна стать мощной партией, отражающей интересы страны. Участники конференции в своих выступлениях ставили определенные задачи, которые должен выполнить блок — это объединить разрозненные центристские силы и региональные блоки, создать новую, компетентную и ответственную перед обществом федеральную власть, воссоздать вертикаль власти, прекратить тем самым «войну различных уровней власти» [2].

Накануне выборов в Госдуму РФ была создана еще одна структура, претендующая на лидерство, — блок «МЕжрегиональное ДВижение «Единство» («Медведь»). Этот блок также называют «губернаторским», так как в его создании приняли участие более 50 руководителей регионов России. В конце года 28 декабря на съезде блока было создано одноименное общероссийское движение «Единство» под руководством С.К. Шойгу, а в Государственной думе — одноименная фракция (руководитель — Б.В. Грызлов).

Инициатором создания омского регионального отделения движения «Единство» стал генеральный директор ОАО ПТФ «Омскоблресурсы» Александр Антропенко, который также является председателем областного Общественного комитета по поддержке кандидатуры В. Путина на пост Президента РФ. Учредительная конференция движения в Омске состоялась

21 января 2000 года, насчитывающее к этому времени в своих рядах уже около 150 человек [3].

Омская организация «Единство» не скрывала намерения занять в пестрой партийной мозаике России лидирующие позиции и стать самой массовой и организационно выстроенной. Это подтверждает и тот факт, что на прошедшем в конце февраля в Москве Учредительном съезде «Единства» в политсовет движения были избраны губернатор Омской области Л.К. Полежаев и лидер омской организации А. Антропенко, а депутат Г.Д.В. Вшивцев избран членом Центральной ревизионной комиссии [4].

Также под руководством омского регионального движения «Единство» с момента его создания ведется активная партийная работа. налажено сотрудничество с областными, городскими и районными СМИ. Подписано соглашение о сотрудничестве с Омским областным общественным фондом «Пресса». Большая совместная работа ведется с Омской гостелерадиокомпанией «Иртыш». Руководители и активисты омской организации принимают участие в телепрограммах «Губернские вести», «Акцент», «За круглым столом» и т.д. Постоянное сотрудничество ведется с телекомпаниями «Теле - Омск - АКМЭ», «Агава», «Антенна - 7». Заключен договор с областной газетой «Омская правда» на публикации материалов по «Единству» в ежемесячной полосе [5].

27 мая 2000 года движение «Единство» было преобразовано в политическую партию, в которую вошли члены организаций «Наш дом - Россия», «Вся Россия», «Партия российского единства и согласия», «Русская социалистическая партия» и частично «Регионы России». Лидером партии был избран С.К. Шойгу, председателем политсовета Б.В. Грызлов. Принято программное заявление общероссийской политической партии «Единства» от 29 мая 2000 года, по которому партия определена в качестве политической силы и политического инструмента российского общества.

Таким образом, можно отметить, что все три организации отличаются от других тем, что созданы не только для участия в избирательных кампаниях и повышения рейтинга политиков, как это часто и бывает. Они, прежде всего, претендуют на главную роль мощной партии, отражающей интересы страны.

Для достижения этой цели, на III съезде общероссийской политической общественной организации «Отечество», прошедшем в середине октября 2001 года, его руководство приняло решение о необходимости объединения «Отечества» и «Единства» в единую политическую партию. Работа в этом направлении уже велась. Так, на состоявшемся 12 июля 2001 года учредительном съезде было провозглашено о создании союза двух организаций – «Единство» и «Отечество». Возглавили его два сопредседателя – С.К. Шойгу и Ю.М. Лужков. А 4 октября Политсовет «Отечества» поддержал предложение лидера Ю.М. Лужкова о преобразовании в политическую партию совместно с «Единством». В работе съезда также приняли участие представители СПС, движения «Вся Россия» и даже лидеры социал-демократических партий Германии, Швеции, Болгарии и других зарубежных государств.

С одной стороны, подобное слияние вполне закономерно, ведь партия власти весьма притягательна, и ей надлежит быть большой. Однако рядовые члены «Единства» и «Отечества» к объединению отнеслись неоднозначно, далеко не каждому было по душе сливаться в едином порыве с бывшими политическими соперниками.

По словам Анатолия Парыгина, председателя исполкома омской региональной организации

«Единство», такое объединение ожидали. Причины этому понятны – президенту нужен мощный избирательный блок, тем более что между «Единством» и «Отечеством» нет существенных расхождений как по программам, так и по основным стратегическим, политическим и экономическим вопросам. Однако на выборах в Госдуму «Единство» с «Отечеством» были соперниками, поэтому не каждый член партии принял политическое решение об объединении. Для таких, кто в целом поддерживает политику партии, но в отдельных моментах с ней не согласен, был образован институт сторонников «Единства».

Александр Левченко, председатель президиума омского регионального отделения движения «Отечество», так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Несмотря на все возникшие противоречия, руководство движения приняло решение об объединении. И если в начале 2001 года Ю. Лужков открыто заявил, что нам с «Единством» не по пути, поскольку у этой партии нет четкой цели и идеологии, то на заседании Центрального совета «Отечества» он подчеркнул, что многие тезисы у нас с «Единством» совпадают, во всяком случае серьезных разногласий между нами нет. Но в любом случае мы не вливаемся в «Единство», а объединяемся» [6].

В результате этого объединения 22 ноября 2001 года в Омске прошло общее собрание регионального отделения общероссийской политической организации «Союз «Единства» и «Отечества». Триста делегатов – по 100 от «Единства», «Отечества» и «Всей России» – единогласно поддержали вынесенный на голосование вопрос о преобразовании омского отделения союза в отделение новой партии. На собрании принято окончательное решение об объединении на местном уровне трех политических структур в единую партию, избраны делегаты на объединительный съезд, который состоялся 1 декабря в Москве. На состоявшейся затем пресс-конференции Александр Антропенко (экс-«Единство»), Александр Левченко (экс-«Отечество»), Бруно Рейтер (экс-«Вся Россия») и Владимир Вшивцев (депутат Госдумы) всячески выражали свое глубокое удовлетворение итогами конференции.

А. Антропенко не скрывал, что на местном уровне нарождающаяся партия ставит целью продвижение своих членов во все уровни власти, как представительные, так и исполнительные. Также он подчеркнул, что представители политического центра хотели бы взять немало позитивного из советского прошлого – строго структурированную партийную систему, партбилеты, жестко регламентированный порядок сбора взносов.

Омские центристы обозначили идеологический базис новой партии. По мнению Владимира Вшивцева, партийная идеология должна строиться вокруг двух основных постулатов: «трезвый, взвешенный подход» и «интересы государства превыше всего» [7].

В результате делегаты приняли решение 1 декабря 2001 года провести в Москве объединенный учредительный съезд, на котором будет создана новая партия на базе «Единства», «Отечества» и «Всей России». Таким образом, 18 декабря 2001 года в Министерстве юстиции была зарегистрирована партия «Единая Россия», председателем генерального совета которой стал Александр Беспалов. В тот же день в омские отделения «Единства», «Отечества» и «Всей России», а также губернатору Л. Полежаеву и главному федеральному инспектору по Омской области В. Миронову из Москвы поступило предложение

выдвинуть свои кандидатуры на пост председателя политсовета омского отделения «Единой России». От местных организаций одним из кандидатов на пост омского лидера новой партии был рекомендован глава Октябрьского АО, руководитель городской организации «Единство» Анатолий Адабир. Также на этот пост претендовал региональный лидер «Единства» Александр Антропенко. Все решилось 24 декабря на политсовете. В результате тайного голосования победу одержал А. Адабир, получивший 14 голосов, а А. Антропенко — 12 голосов [8].

Председателем исполкома омского отделения «Единой России» стал Сергей Мельников, который был отобран на эту должность на конкурсной основе из 5 претендентов. Одним из претендентов на эту должность был предложен бывший лидер омского отделения «Отечества» Александр Левченко. Однако продолжения его политической карьеры уже в рамках «Единой России» не получилось [9].

В марте 2002 года в Омске состоялась учредительная конференция по созданию омского регионального отделения партии «Единая Россия», а в апреле прошел съезд новой партии в Москве. Съезд «Единороссов» был примечателен тем, что при отборе его делегатов вернулись к рассмотренному в советские годы принципу — учитывать их профессиональный и социальный состав. Так, при выборе делегатов предпочтение отдавалось работникам бюджетной сферы, а также депутатам всех уровней. Это требование объясняется тем, что депутат от «Единой России» должен, прежде всего, создать фракции в представительных органах власти всех уровней, способствовать прохождению правительственно-реформаторских законопроектов и получить «раскрутку» перед новыми выборами. Внимание партии к работникам бюджетной сферы вызвано новой широко масштабной кампанией по защите интересов бюджетников и пенсионеров, начатой «Единой Россией». В противовес левому флангу политического спектра КПРФ, которая пытается создать протестные настроения среди людей с низкими и средними доходами перед повышением тарифов на услуги ЖКХ и иными мерами, «Единая Россия» собирается привлечь на свою сторону тех же пенсионеров и бюджетников, чей жизненный уровень в некоторой степени повысился в период правления В. Путина. Решением съезда партии местным парторганизациям и депутатским фракциям предлагается вести контроль за правильностью расходования бюджетных средств, за работой чиновников.

Через год, 12 марта 2003 года, в ДК им. Дзержинского состоялась очередная региональная конференция омского отделения «Единой России», на которой Анатолий Адабир отметил, что наконец-то состоялось объединение трех политических партий, несмотря на все трудности. Тяжелой оказалась работа над идеологическим документом партии — манифестом «Путь национального успеха». По словам Адабира, дискуссии по содержанию этого документа привели к некоторым кадровым потерям. В Высший совет выбираются люди из числа выдающихся деятелей РФ, имеющих большой авторитет в российском обществе и на международной арене, но не состоящие в партии «Единая Россия». В связи с этим омичи предложили внести в этот пункт устава дополнение: «выбирать в Совет выдающихся политических деятелей РФ, членов партии». Однако представитель Генерального совета «Единой России» Зайнулла Багишаев призвал омичей пойти на компромисс, оставив Высший совет таким, какой он есть.

По его словам, «люди, которые в него входят, для партии, безусловно, нужные, а то, что они не являются членами «Единой России», вопрос времени» [10].

Омское региональное отделение особое внимание уделяет росту своих рядов. Так, численность местных единороссов к 2004 году составляла уже 3,5 тыс. человек, созданы 33 местных отделения во всех районах области и города Омска и 103 первичных организации. В структуре регионального объединения существует Совет сторонников, объединяющий в своих рядах около 5 тыс. человек. Создано «Молодежное единство». Ноу-хау омских «единороссов» — движение «Медвежата», объединяющее детей младшего школьного возраста. Немало и других аналогий с атрибутами времен КПСС — прежней «руководящей и направляющей партии»: и возрождение подвоя бытия состязания ГТО, и лекторские группы.

Для «единороссов» характерен один парадокс. С одной стороны, в партии существует жесткая иерархия и ориентация на централизацию, которой должны подчиняться все ее члены. Но, с другой стороны, многие рядовые представители «партии власти» имеют более высокий чиновничий ранг в госаппарате, в отличие от лидера регионального отделения. Так, например, губернатор Л. Полежаев, мэр В. Шрейдер, спикер горсовета А. Цимбалист и многие другие «рядовые» «единороссы» в областной структуре занимают более вольготные места, чем лидер омского отделения партии «Единой России» А. Адабир [11].

Один из важнейших аспектов политической влиятельности партии — отношение с губернатором. Однако «отделом губернаторской администрации» «единороссы» себя не считают. Так, на выборах губернатора осенью 2003 года именно «единороссы», объединившись в избирательный блок с региональным отделением «Народная партия» и «Российская объединенная промышленная партия», выдвинули Л. Полежаева кандидатом на должность губернатора Омской области.

Можно сказать, что омские «медведи» всерьез озаботились критикой СМИ о вялой партийной работе в регионах. В связи с этим «единороссы» пошли сразу в трех направлениях: политическом, профсоюзном и административном. Во-первых, подписание антифашистского пакта с представителями других политических партий, инициированное «Единой Россией». Это позволило рассмотреть «политическое поле» области и заранее определить если не потенциальных союзников, то хотя бы тех, кто точно не является оппозиционным реакционером.

Во-вторых, договор с руководителем Федерации омских профсоюзов (ФОП) Валерием Якубовичем «О взаимодействии...». В исполкоме партии сообщили, что этот договор — региональный результат федерального соглашения между госдумовской фракцией «Единая Россия» и Федерацией независимых профсоюзов России, подписанного весной 2004 года. Беспартийные руководители омских профсоюзов достаточно позитивно отнеслись к инициативе «единороссов». Прежде партийный и профсоюзный ресурсы в одних руках в Омске удалось сосредоточить лишь Николаю Ефимкину, лидеру омского отделения СПС, а заодно и председателю областного «Электропрофсоюза». Теперь эту удачную идею использовали омские «единороссы», причем и сам Н. Ефимкин, будучи членом президиума ФОП, эту идею поддержал. «Были некоторые сомнения, осторожные мнения, на предмет того, а будет ли выполнять свои обязательства по договору «Единая Россия»? Но в итоге мы согласились. Думаю, подписание

соглашения способствует тому, что «партия власти» начнет что-то делать, тем более имея такие мощные ресурсы в своем арсенале», — комментирует лидер омских правых.

В-третьих, «единороссы» провели заседание оргкомитета по созданию местного отделения общественной организации «Самоуправление России», учредительная конференция которой прошла в Омске 7 апреля 2006 года. Задачей нового органа стало координирование действий омского отделения «Единой России» и представителей муниципальных образований, хотя сами «единороссы» всячески опровергают теорию «филиализации», настаивая на том, что организация будет хоть и дружественной «медведям», но все-таки независимая. Возглавил новую структуру лидер фракции «Единая Россия» в ЗСО Александр Покоев. Это его шанс упрочить свое положение на будущих выборах или продлить свою политическую карьеру даже после завершения депутатского срока. В любом случае повышение качества политики омского отделения «Единой России» налицо, о чем мы убедились по итогам проведенных выборов в 2007 и марте 2008 года [12].

Подводя итоги по организационному становлению политической партии «Единая Россия» в Омской области, можно сделать следующий вывод. Принятый Государственной Думой РФ закон «О политических партиях» упорядочивает хаос, вызванный событиями августа 1991 года, и способствует объединению однородных политических сил. Безусловно, партии нужны, без них невозможно развитие демократических основ общества, а рождение «сильных» партий — это вопрос времени и политики государства, осознавшего свои стратегические задачи. Несомненно, что объединение «Единства», «Отечества» и «Всей России» стало большим шагом в политической жизни обновляющегося общества, справедливо претендующее называться «партией власти» [13].

Библиографический список:

1. «Отечество» расколоть не удалось // Новое обозрение (Омск). — 1999. — № 14. — С. 3.
2. «Вся Россия» // Омская правда. — 1999. — № 14. — С. 2.
3. Машкарин, М. И. Политическое пространство Омского Прииртышья: партийный аспект / М. И. Машкарин, В. К. Магда. — Омск: ГУ ОО РЦСО, 2007. — 104 с.
4. ЦДННОО. Ф. 515. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.
5. ЦДННОО. Ф. 552. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.
6. Идея об объединении // Коммерческие вести (Омск). — 2001. — № 16. — С. 3.
7. Идеология «Единства»: интересы государства превыше всего! // Вечерний Омск. — 2001. — № 141 — 142. — С. 2.
8. У единства нет единства // Коммерческие вести (Омск). — 2002. — № 1. — С. 2.
9. Выборы председателя исполкома у омских «единороссов» // Омская правда. — 2002. — № 10. — С. 3.
10. Омичи «единороссы» требуют от Б. Грызлова или уйти, или вступить в партию // Коммерческие вести. — 2003. — № 11. — С. 3.
11. Как общаются омские партийцы // Бизнес-курс (Омск). — 2005. — № 43. — С. 44.
12. Основные направления «Единой России» // Бизнес-курс (Омск). — 2006. — № 10. — С. 41.
13. «Единство» и «Отечество» - братья навек // Вся губерния (Омск). — 2001. — № 48. — С. 4.

КАЛИНИНА Мария Аркадьевна, старший преподаватель кафедры экономики и права.
Адрес для переписки: г. Омск, 644808, Институтская площадь, 2.

Статья поступила в редакцию 10.06.2010 г.

© М. А. Калинина

Книжная полка

Табарин, И. В. История славянского нашествия. В 2 кн. Ч. 1. / И. В. Табарин. — М., 2011. — 436 с. — ISBN: 978-5-9901222-2-2.

Настоящая книга написана лёгким, доступным языком, с её страниц читатель узнает, например, как переводится со старославянского титул «чингисхан» и что означало на древнем наречии слово «монгол». Откуда взялись и что первоначально подразумевали такие слова, как еврей и грек, русский и татарин. Как переводятся с древнерусского языка слова: синагога и тора, а также почему на самом деле мусульманам и иудеям запрещено есть свинину. В каких родственных отношениях с Чингисханом был Иисус Христос — вполне реальная историческая личность, и какую фамилию носили эти правители. Как в действительности выглядел Чингисхан. Из какого рода ведут свои корни Тамерлан и Сталин. Любителей словесности, вероятно, заинтересует, из каких слов и какого языка появились нецензурные слова русской речи. Кроме этих фактов читателю предстоит узнать ещё немало увлекательных и познавательных сведений о нашем народе, а значит, и о себе самом. Получить все эти новые и во многом, конечно, неожиданные знания стало возможным только благодаря новейшим точным методам исторических исследований, внедрение которых, преодолевая сопротивление историков-догматиков, успешно проводят учёные-математики: академик РАН Фоменко А.Т. и доцент Носовский Г.В. Между тем сведения, изложенные в данной работе, представляют собой самые последние достижения восстановленной подлинной русской истории, и, в целом, они не только опровергают закостенелые догматические стереотипы, но и вносят фундаментальные дополнения и существенно исправляют уже версии Фоменко - Носовского. И так, если начистоту, то настоящая книга должна быть в каждой российской семье и, как минимум, обязательна для всех школьных учителей истории. А ещё это издание непременно рекомендовано тем студентам исторических специальностей, которые не только тщатся получить карточку с надписью «диплом», но и рассчитывают стать действительно образованными, думающими людьми.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВЕТСКИМИ УЧЕНЫМИ РАЗВИТИЯ ЛЕТОПИСАНИЯ В МОНАСТЫРЯХ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Монастыри домонгольской Руси заимствовали у Византии не только религиозные принципы служения, но и особенности внутреннего развития. Большое внимание в византийских монастырях уделялось созданию библиотек, распространению грамотности. Необходимость фиксации событий, наличие подобных традиций в соседних странах приводит к формированию в монастырях наиболее значительного жанра древнерусской письменности — летописания.

Ключевые слова: историография, монашество, домонгольская Русь, советские исследователи, развитие летописания, создание библиотек.

Изучение развития летописания в монастырях домонгольской Руси советскими исследователями опирались как на исследования XIX века, так и на постановление жюри Правительственной комиссии, в котором указывалось, что «авторы игнорируют прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси, как рассадников письменности и колонизационных баз» [1, с. 45]. К этому необходимо добавить, что интерес к летописанию вызывали и научные открытия в области филологии, восстановление первоначальных летописных сводов и определение их идентичности с другими европейскими и византийскими текстами. В советской историографии можно выделить как специальные, так и обобщающие исследования по данной проблеме, однако они все в совокупности показывают разностороннее изучение этого вопроса историками.

М. Д. Приселков указывал, что со времени основания Печерский монастырь становится распространителем новых традиций, «намеченных или указанных великими основоположниками общерусского значения Печерской обители, часть которых еще были живы во время вступления в монастырь Нестора» [2, с. 32]. Первой попыткой распространения литературной традиции на все территории Древней Руси стало игуменство Никона, «поднявшего с былого энергиею общерусскую традицию Печерского монастыря на большую высоту» [2, с. 44]. Однако она оказалась неудачной, «оставив по себе лишь литературные следы» [2, с. 44]. М. Д. Приселков отмечает, что в Киево-Печерском монастыре «еще при игумене Феодосии зародилась литературная работа, при Никоне и двух последующих игуменах давшая замечательные всходы» [2, с. 44]. Многие памятники литературы оказались утеряны. «От феодосиева времени до нас, к сожалению, не дошла та «великая зело епистолия»..., с которой Феодосий обратился к князю Святославу, обличая его «в неправедном прогнании» брата Изяслава из Киева» [2, с. 44], в ней приводились примеры из Ветхого завета, Библии с порицанием этого поступка. «Не дошел до нас и летописный труд, предпринятый в это время в Печерском монастыре при участии Никона» [2, с. 45] — так называемый Древнейший свод 1039 г., в котором «коротко и умышленно темно излагалась история создания Русской

земли, ее крещение при Владимире и создание Ярославом новой эпохи русской жизни, т.е. учреждение митрополии» [2, с. 45]. Из тех произведений, которые известны, наиболее примечательны «Память и похвала св. Владимиру» и «Сказание» о Борисе и Глебе», написанные при игуменстве Феодосия, и «свод Никона 1074 г.». Никон продолжил и расширил Древнейший свод 1039 г., продолжив его до 1074 года. По мнению М. Д. Приселкова, «этот летописный свод соответствовал общему направлению Киево-Печерского монастыря, т.е. не замыкался в монастырскую хронику или киевский летописец, а хотел быть летописанием Русской земли и в освещение событий вкладывал, насколько это было возможно по внешним условиям, антигреческое направление» [2, с. 45]. При игуменстве Никона в обители были написаны два произведения житийного характера — «Житие Феодосия» и «Чтение» о Борисе и Глебе, «автором которых был недавно вступивший в обитель брат Нестор» [2, с. 48]. В оценке М. Д. Приселкова идея о едином летописании всей Руси, заложенная в Киево-Печерском монастыре, становится одним из политических орудий обители. Монастырь использует ее, «приравливая пополнения и обработку накапливаемого материала к смене на киевском столе политических владельцев — «старейших» из всех русских князей, по терминологии монастыря» [2, с. 45]. Воздавая должное Святославу за его заботу о монастыре, канонизацию Феодосия, поддержку в противостоянии с греческими патриархами, Нестор продолжает работу над летописным сводом, пополняя его «описанием княжения в Киеве Святополка» [2, с. 89]. После смерти Святополка Нестор, по мнению ученого, «приступил к обработке своего материала и, вероятно, около 1114 — 1116 гг. появилась его знаменитая «Повесть временных лет» [2, с. 89]. Она имела большое общерусское значение, в практику вошло ее переписывание, чтобы «начинать даже позднейшие своды» [2, с. 90]. Однако сам летописный труд, по мнению исследователя, вызвал неоднозначную реакцию со стороны Владимира Мономаха, так как «в его византийские отношения не входила мысль о поддержке общерусских забот Печерского монастыря» [2, с. 92]. Это осложнило взаимоотношения князя и монастыря, ««Повесть» была изъята из Печерского монастыря и

отдана для переделки в княжой фамильный монастырь — Выдубский, а против Печерского монастыря приняты меры воздействия» [2, с. 93].

Б. Белопольский и А. Тайдышко опять-таки ссылаясь на постановление жюри Правительственной комиссии, подчеркивают, что «большую роль в распространении книжного образования сыграли монастыри» [1, с. 42], которые и на новых территориях распространяли грамотность среди местного населения. Тем самым «вместе с христианством, колонизируемые народы получали письменность и более высокую культуру» [1, с. 46].

В коллективном труде «Введение христианства на Руси» при рассмотрении вопросов проникновения православия в Киевское государство особое внимание обращается на роль княжеской власти. Появление монашества на Руси связывается с ее крещением. Подчеркивается, что «монастыри в течение долгого времени после крещения были на Руси главным рассадником письменности и знаний» [3, с. 13], то есть признается значительный вклад монахов в духовную культуру домонгольской Руси.

В другом коллективном труде — «История Русской литературы. Литература XI — начала XIII века» рассматривается появление и распространение летописания, житийных и агиографических произведений в домонгольской Руси. По наблюдению исследователей, в Киеве, подобно Византии, «усердно насаждался культ Марии и архангела Михаила», «этот культ особенно возрос при наследниках Ярослава, когда был основан Печерский монастырь и построен в нем храм Успения Богородицы» [4, с. 30]. Стало быть, монастыри служили рассадниками православной проповеди по византийским образцам. При этом начальная история русского летописания С. В. Бахрушиным связывается с киевскими монастырями, а именно «с двумя пригородными монастырями Киева — Печерским и Михайловским — Выдубицким», из стен которых вышел замечательный научно-литературный труд — «Начальный свод» [4, с. 32].

Б.Г. Греков указывает, что книги тщательно хранились, так как «для литературных работ, выходящих из этого монастыря (*Киево-Печерского*). — Н. У.), они, конечно, были необходимы» [5, с. 53].

В коллективном «История культуры Древней Руси» отмечено, что Киево-Печерский монастырь «стал очагом русского летописания и крупнейшей школой, воспитывавшей миссионеров и кандидатов на руководящие посты в новых епископиях» [6, с. 91]. С другой стороны, он сделался и «центром литературно-политического движения, которое носило характер борьбы за церковную и культурную свободу от греческой опеки, за политическое и культурное единство Руси» [6, с. 91]. Вовремя правления Владимира Мономаха, как пишут исследователи, Киево-Печерский монастырь теряет свое влияние из-за возросшего влияния митрополии, поэтому «летописание переводится отсюда Мономахом в Выдубицкий монастырь» [6, с. 103].

Н.М. Гантаев упоминает о культурном и просветительском влиянии монастырей на русское общество домонгольской эпохи. Крещение Руси сопровождалось «проникновением книг и рукописей, причем, помимо церковных, русское общество знало и произведения светской художественной литературы» [7, с. 9]. Исследователь отмечает, что только «богатые монастыри обеспечивали некоторой части монашества возможность заниматься литературной работой и т.д.» [7, с. 9]. Несмотря на это, как находил Н. М. Гантаев, «вместе с христианством пришло и

ханжество монахов, обилие всяких суеверий, «чудотворных» реликвий и всякого рода иных «святынь» [7, с. 9].

По мнению Д. С. Лихачева, «уже в начале XI в., а может быть, и раньше — в конце X в., в Киеве и в Новгороде стали составлять первые летописи» [8, с. 18]. Самый обширный систематический свод составленный монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, в литературной обработке получил название «Повесть временных лет». Летописание уже в XII веке распространилось по всей территории Руси, «почти в каждом русском княжестве и во многих монастырях велась свои летописи» [8, с. 19]. Особенностью летописания этого периода, Д. С. Лихачев считал размножение летописей «во многих списках, ими пользовались летописцы для обмена сведениями и для составления больших исторических сочинений — летописных сводов» [8, с. 19]. Летописцы были исключительно образованными людьми своего времени, это были «то монахи, то священники городских церквей, иногда игумены монастырей, епископы, библиотекари, посадники и даже сами князья» [18, с. 19]. Они не просто «обрабатывали сочинения своих предшественников и составляли связные рассказы о русской истории за несколько веков» [8, с. 19], но и фактически влияли на политическую и повседневную жизнь.

М.Н. Тихомиров отмечал, что уже в домонгольской Руси с принятием христианства стал складываться новый взгляд на общество. Это, по сути, отмечает исследователь, «другая, аскетическая, можно сказать, человеконенавистническая философия отражена в некоторых монашеских сочинениях XI — XII вв.» [9, с. 135]. Она вскрывает новые принципы взаимоотношений в обществе, и наиболее полно эта философия отражена в «Печерском патерике» [9, с. 135].

В «Истории Киева» Киево-Печерский монастырь, и только, рассматривается как продолжатель традиций летописания на Руси. «С 60-х гг. XI в. древнерусское летописание продолжалось в Киево-Печерском монастыре, где игумен Никон в 1072 — 1073 гг. составил свод, называемый условно Начальным» [10, с. 158]. Деятельность Никона продолжили другие монахи этой обители. В 90-е гг. XI века был составлен «так называемый «Второй Киево-Печерский летописный свод» игуменом Иоанном» [10, с. 158]. А уже «в 1113 году монахом Киево-Печерского монастыря Нестором была написана «Повесть временных лет» — наиболее выдающееся историческое произведение Киевской Руси» [10, с. 158].

Я.Н. Щапов тоже указывает, что монастыри становились центрами летописания. Первые летописи появились в Киево-Печерском монастыре, именно здесь возникла знаменитая «Повесть временных лет». Уже «игумен Михайловского монастыря Сильвестр создал в 1116 г. новую редакцию Повести временных лет» [11, с. 139], в которой отразил политические требования Владимира Мономаха. Расположение великого князя позволило Михайловскому монастырю в XII веке «соперничать с Печерским в культурной деятельности как одному из центров летописания и подготовки высококвалифицированных церковных администраторов» [11, с. 140] — находит Я. Н. Щапов.

Просветительская деятельность монастырей рассматривается и в изданной Московской Патриархией книге «Русская православная церковь 988 — 1988. Очерки истории I — XIX вв.». Не только изучение книг, но и их составление и изготовление были присущи братии Киево-Печерского монастыря. Развитие книжного просвещения приводит к созданию не только ценных переводных трудов, но и позволяет создать

самостоятельные русские жанры в литературе: «Почтения», «Жития», «Сказания». Но наиболее известным стал летописный свод, составленный монахом Киево-Печерского монастыря, — «Повесть временных лет» [12, с. 13].

Г. М. Филлист писал о влиянии на литературу Руси произведений чешских авторов. «Анализ исторической обстановки, церковнославянской литературы двух государств позволяет предположить влияние на житийную литературу Древней Руси чешского духовенства, религиозно-церковные традиции которого сохранились в Сазавском монастыре, известном центре чешско-русских связей XI в.» [13, с. 97]. Помимо чешских, на Русь, — отмечал Г. М. Филлист, — устремились и польские, и болгарские миссионеры, часть из которых «была включена в работу по переводу религиозно-философской, исторической и другой светской литературы» [13, с. 96]. Г. М. Филлист особо подчеркивает, что «у ряда русских князей опорным духовным центром был Печерский монастырь» [13, с. 101], то есть, несмотря на тесные духовные связи между соседними славянскими народами, все-таки на Руси уже формировались собственные духовные центры.

М. Ю. Брайчевский писал о Киево-Печерском монастыре как центре летописания домонгольской Руси. Оказывается, уже в середине XI века в обители велась работа по составлению черновых записей летописного свода. Он лег в основу «Начального свода», составленного «в 1093 г. игуменом Печерского монастыря Иваном» [14, с. 209]. Позднее в стенах Печерской обители была создана «Повесть временных лет», автором которой был монах Печерского монастыря Нестор, прозванный Летописцем. Исследователь отмечает, что это «наиболее выдающееся произведение древнерусской историографии» [14, с. 209].

Исследователи отмечают, что монастыри домонгольской Руси заимствовали из Византии не только религиозные принципы служения, но и особенности внутреннего развития. К наиболее важным функциям монастыря относилось содержание и собирание библиотек, что, несомненно, заимствуется и домонгольскими монастырями Руси. Большая роль в распространении грамотности принадлежит Киево-Печерскому монастырю, который, по замечаниям авторов, становится центром летописания. Советские историки вносят новые фундаментальные сведения о русском летописании домонгольского периода. Несомненно, в рамках существующей методологии монастыри рас-

сматривались только лишь как средоточие летописных традиций и как центры распространения грамотности.

Библиографический список

1. Белопольский, Б. Крещение Руси / Б. Белопольский, А. Гайдешко. — Л.: Лениздат, 1939 — 56 с.
2. Приселков, М. Д. Нестор-Летописец: опыт истор.-лит. характеристики / М. Д. Приселков. — Петербург: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1923 — 112 с.
3. Введение христианства на Руси. — М., 1940. — 16 с.
4. История Русской литературы. Литература XI — начала XIII века. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. — Т. 1. — 404 с.
5. Бахрушин С. К вопросу о крещении Киевской Руси // Религия и церковь в истории России (советские историки о Православной церкви в России). — М.: Изд-во «Мысль», 1975 — С. 16 — 37
6. Греков, Б. Г. Культура Киевской Руси / Б. Г. Греков. — М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, напеч. в Мск, 1944. — С. 78.
7. История культуры Древней Руси / Под общ. ред. Грекова Б.Д. и Артамонова М.И. — М.-Л.: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Мск., 1951. — Т. II. — 484 с.
8. Гангаев, Н. М. Церковь и феодализм на Руси / Н. М. Гангаев. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — 168 с.
9. Лихачев, Д. С. Культура русского народа X — XVII вв. / Д. С. Лихачев. — М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР (Ленингр. отд-ние), 1961. — 120 с.
10. Тихомиров, М. Н. Русская культура X — XVIII веков / М. Н. Тихомиров. — М.: Наука, 1968. — 447 с.
11. История Киева. Древний и средневековый Киев. — Киев: Наукова думка, 1982. — Т. 1. — 407 с.
12. Щапов, Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X — XIII вв. / Я. Н. Щапов. — М., 1989. — 228 с.
13. Русская Православная церковь 988 — 1917 гг. Очерки истории I — XIX вв.: выпуск первый. — М.: Изд-во Московской патриархии, 1988 — 112 с.
14. Филлист, Г. М. Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия / Г. М. Филлист. — Минск: Беларусь, 1985 — 252 с.
15. Брайчевский, М. Ю. Утверждение христианства на Руси / М. Ю. Брайчевский. — Киев: Наукова думка, 1989 — 294 с.

УШАКОВА Надежда Владимировна, преподаватель кафедры политологии.

Адрес для переписки: e-mail: ushakova_nv@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 24.02.2011 г.

© Н. В. Ушакова

Книжная полка

Щербак, В. П. Самые известные русские мошенники: история России в аферах / В. П. Щербак. — М.: Эксмо, 2011. — 224 с. — ISBN: 978-5-699-48255-9.

Перед вами издание о самых громких аферах в истории России, коллекция сюжетов, которые никого не оставят равнодушным. Познакомьтесь с выдающимися фальшивомонетчиками, самопровозглашенными мессиями, мнимыми дипломатическими посланцами, агентами секретных служб, генералами, банкирами и просто жуликами. Погрузитесь в атмосферу эпохи, когда происходили описываемые события. Попробуйте проследить и понять мотивы и мысли аферистов. Оцените неповторимый стиль и великолепное чувство юмора автора. Владислав Щербак с исключительным вкусом создает яркие образы героев, использует оригинальный литературный слог в сочетании с элементами уличного жаргона, раскрывает мысль о том, что аферизм — это не профессия, а призвание, данное свыше. Приятного и увлекательного прочтения!

МЕННОНИТЫ НА СЛУЖБЕ В ЛЕСНЫХ КОМАНДАХ КУРГАНСКОГО УЕЗДА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье приводится информация о меннонитах, проходящих службу в лесных командах Курганского уезда Тобольской губернии. В качестве источников выступают документы Государственного архива Курганской области (ГАКО), содержащие информацию о деятельности, оплате труда и условиях проживания рабочих из меннонитов.

Ключевые слова: ратники из меннонитов на службе в лесных командах.

В Сибири начала XX в. проживали представители множества вероисповеданий и сект: лютеране, католики, баптисты, меннониты, православные, мусульмане и т.д. В данной статье представлены материалы о меннонитах, проживающих в Тобольской губернии, и более подробно рассмотрены меннониты, находящиеся в Курганском уезде.

Если мы откроем энциклопедию Брокгауза и Ефрона, то увидим следующее определение: «Меннониты — одна из протестантских сект, получившая название от своего основателя Симониса Меннона (1496 — 1561), голландца по происхождению». В этой же статье можно прочитать и основные особенности вероучения меннонитов: «Господствующая идея их учения — ожидаемое восстановление в мире царства Божия через основание и распространение на земле церкви чистой и святой. Затем безусловная вера в Библию, в буквальный смысл ее текста; свобода личного понимания в области верования; евхаристия — лишь благоговейное воспоминание события из жизни Иисуса Христа, способствующее возвышению и укреплению чувства веры; крещение совершается только над взрослыми, судебные тяжбы, присяга и воинская служба отрицаются способствующее возвышению и укреплению чувства веры; крещение совершается только над взрослыми, судебные тяжбы, присяга и воинская служба отрицаются» [1]. Эта протестантская секта возникла в Нидерландах в 30-х годах XVI в. У себя на родине меннониты жестоко преследовались, что вынудило их переселиться в Польшу и Пруссию. Прожив здесь более двух столетий, они вновь очутились перед проблемой переселения. В Пруссии больше не гарантировалось освобождение от воинской повинности, возникают и другие притеснения. В Россию меннониты переселились в 1789 г. по приглашению правительства Екатерины II. Им была обещана свобода вероисповедания и свобода от военной и гражданской службы. В 1873 г. в России было 5 меннонитских округов в Екатеринославской, Таврической и Самарской губерниях. Со второй половины XIX — начала XX вв. меннониты расселяются по России, образуя дочерние колонии. Появляются они и в Сибири: под Омском, Томском и на Алтае [2].

Первые меннониты появились в Тобольской губернии на территории Тюкалинского уезда в самом конце 90-х гг. XIX — начале XX в. Еще в 1899 — 1900 гг. выходцы из Крыма, представители общины петерсовцев, основали в этом уезде поселки Трусовку и Кирьяновку. На Трусовском участке имение приобрел

Клаас Клаасович Эзау, на Кирьяновском — Генрих Абрамович Браун из села Большой Чакмак и Эзау из Карасана. В 1900 г. началось заселение поселка Кремлевка, ставшего вскоре духовным центром новоменнонитов Тюкалинского уезда. Жителями этих поселков были в основном выходцы из Таврической, Екатеринославской, Херсонской и Самарской губерний. В 1907 — 1908 гг. увеличился поток переселенцев, образуются новые немецкие хутора и поселки в Тобольской губернии. Существовавшие меннонитские общины были не в состоянии обслуживать всех вновь прибывших — появляются новые самостоятельные общины и приходы. Так, в Ишимском уезде Тобольской губернии в 1908 г. выходцами из Воронежской губернии была образована большая колония Петерфельд [3].

Следует отметить, что уже при миграции в Россию меннониты были одной из самых зажиточных конфессий. Важную роль здесь играла их корпоративность. Причем она распространялась не только на религиозную область, но и выражалась в поддержке дочерних колоний и каждого члена общины. Благодаря этому меннониты, проживающие в Сибири, получали финансовую помощь от материнских колоний.

Огромную роль в жизни меннонитов играли традиции, общий уровень культуры был, как правило, достаточно высок. Грамотность немцев-колонистов была обязательной, так как школьное обучение являлось одним из условий успешной подготовки ребенка к конфирмации, то есть вступлению в веру.

Поселки меннонитов возникали обычно на арендованных землях вдоль Транссибирской железной дороги. Многие поселки возникли из имений немцев-меннонитов. Например, так возникли такие крупные населенные пункты, как Кремлевка, Десятириковка, Халдеевка, Трусовка, Классино, Бородинка, Кирьяновка, Чучкино. Например, Трусовка была основана в 1900 г. меннонитами К.К. Эзау, И.К. Эзау, И.И. Зименс. Меннониты принесли новые, более прогрессивные методы ведения хозяйства. Во многих хозяйствах применялись усовершенствованные сельскохозяйственные машины, так как имения многих меннонитов (Шпехт, Вибе, Эзау и т.д.) работали на рынок. Немаловажную роль в успехе меннонитов играл нравственный фактор, который имел национальный оттенок и характеризовался такими качествами колонистов, как трудолюбие, трезвость, бережливость. Этот субъективный фактор был неразрывно связан с конфессиональной принадлежностью немцев-мен-

нонитов. Существенной стороной функционирования протестантских конфессий была хозяйственно-предпринимательская деятельность. Члены протестантских сект обладали огромным опытом подобного рода деятельности, являясь носителями специфической протестантской морали «мирного аскетизма», освящающей накопление капитала и предпринимательство [4].

Как уже упоминалось, меннониты не признавали воинской службы. Поэтому военную службу они проходили в командах лесного ведомства во многих лесничествах Тобольской губернии: Ялutorовском, Варваринском, Ишимском, Курганском, Пельымском, Табаринском, Ошмаровском, Тавдинском, Успенском, Пятковском, Чаусовском, Высокодубровном, Иссык-Кульском. В лесничествах, как правило, проходили службу меннониты из Томской губернии и Омского уезда Акмолинской области. В лесничествах, где меннониты служили, они выполняли самые разные работы: охрана леса, заготовка дров для железной дороги, ремонт дорог и строений, расчистка противопожарных полос, постройка барачных, прореживание молодняков, уход за лошадьми и так далее. Летом к этому списку нередко добавляется тушение лесных пожаров. В ряде лесничеств наиболее грамотных меннонитов ставили десятниками над пленными, о чем свидетельствуют документы лесничеств [5].

Призванных на службу меннонитов размещали в домах лесной стражи и в любых других подходящих казенных помещениях. «В случае невозможности предоставить помещение в казенных домах, указывается в одном из документов, следует озаботиться размещением обязанных рабочих на частных квартирах за счет казны, с тем чтобы расходы на эту надобность не превышали норм квартирного довольствия, то есть 3 рубля в месяц на человека. Затем, кроме найма, освещения и отопления помещений, лечения меннонитов в случае из болезни и приобретение необходимых для работ инструментов на лесном ведомстве не лежит никаких обязанностей по содержанию и довольствию меннонитов» [5, л. 25]. Ратникам из числа меннонитов за работы выплачивали жалование по 20 копеек за каждый рабочий день. Причем эти деньги на руки меннонитам не выдавались. В циркуляре Тобольского управления Земледелия и Государственных имуществ от 27 октября 1916 года за № 13555 сказано: «По окончании каждого календарного, начиная с октября, месяца высылают уполномоченному меннонитских общин Д.И. Классену (Почт. Конт. Гальбштадт, Таврическая губерния) причитающуюся за действительно отработанные дни плату, по указанному выше расчету, т.е. по 20 коп. за день из тех кредитов, в счет которых производились работы при участии меннонитов... [6]. В дальнейшем эти деньги уполномоченный Классен высылал на содержание меннонитов.

В одном из своих посланий Д.И. Классен уведомлял: «Настоящим имею честь сообщить, что мною переведено через Молоч. О-во Вз. Кредита в Колочанске на имя Тобольского Управления Земледелия и Государственных имуществ 4000 рублей и покорнейше прошу Тобольское Управление наравне с Томским Управлением не отказать выдавать из этой суммы обязанным рабочим из меннонитов харчевые и обмундировочные деньги». Суммы выдавались различные. Количество харчевых денег зависело от количества человек в отряде, чем больше отряд, тем меньше выдавалось денег на каждого человека. Деньги распределялись следующим образом: «стоявший отдельно», то есть работавший в одиночестве человек

получал 11 рублей, в отряде из 6-25 человек каждый получал по 10 рублей, а если группа была еще больше, то каждый получал по 9 рублей на человека в месяц.

Размер обмундировочных сумм зависел от срока службы. «Действительные обязанные рабочие за 1916 г. получают обмундировочных денег:

- 5 лет службы — по 60 рублей на человека;
- 4 года — по 35 рублей;
- 3 года — по 50 рублей;
- 2 года — по 50 рублей;
- 1 год — по 60 рублей» [7].

Как можно видеть, больше всего получали старослужащие и только что призванные.

Эти деньги, скорее всего, выдавались не каждому меннониту в отдельности, а старшему в команде. В пользу этого предположения говорит жалоба, сохранившаяся в фондах Государственного архива Курганской области. В этом документе команда Введенского лесничества просит забрать из нее старшего — Петра Петровича Энгеля. В документе указано, что команда несколько раз просила его «дать отчет относительно употребления им столовых денег, так как пищей команды служили главным образом хлеб и чай» [8].

Лечение меннонитов, как и содержание, осуществлялось за счет нанимателей, сохранилось много расписок об оплате лечения меннонитов: «Находившегося на излечении во вверенном мне лазарете меннонит Иван Павлов Дик 26 сего июня выписан из лазарета и при санитарном билете за № 382 препровожден Курганскому уездному воинскому начальнику. Прошу о высылке условленной платы за содержание Дика в лазарете» [9].

Итак, можно уверенно сказать, что ратники из меннонитов находились на государственном содержании, хотя обмундировочные и харчевые деньги передавались через посредника, которым являлся уполномоченный меннонитских общин Д.И. Классен. Возникает вопрос, пользовались ли ратники отпусками, как обычные военнослужащие? В фондах ГАКО сохранилось множество прошений об отпуске по самым разным причинам, однако чаще всего фигурируют сельскохозяйственные работы, смерть или болезнь родственников. Ратники из меннонитов просят отпустить их на самый разный срок от 2 недель до 1,5 месяцев. Почти все пишут, что они единственные кормильцы семьи, а дома остались только жена с малолетними детьми и /или престарелые родители. Но все сохранившиеся прошения датированы 1915 — 1916 гг., и по военному времени все отпуска и переводы меннонитов были отменены. Об отмене отпусков «по домашним обстоятельствам» говорится и в распоряжении Тобольского Управления земледелия и государственных имуществ [10]. Что касается уже упомянутых переводов, то меннониты просили перевести их на другую работу (в основном в санитары) или на другое место работы (ближе к дому).

Вот прошение ратника второго разряда Якова Яковлевича Петерса в адрес «Его Высокоблагородия господина лесничего Высокодубровного лесничества».

«Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие, если возможно, перевести меня с Курганского лесничества Илецко-Иковская дача на Вашего вверенном лесничестве, так как мои Родители живут при станции Москаленки на Войсковом участке, то было мне всё ближе домой, притом мой шури лесник Петер Гевс тоже находится там же, с которым желал бы служить, умею плотничать и прилежно буду работать, чтобы Ваше Высокоблагородие остались довольны мною. Ожидаю, что Ваше Высокоблагородие не оставит мою просьбу без внимания.

Яков Яковлевич Петерс» [9, л. 124].

Под этим прошением о переводе, как и под многими другими, стоит резолюция: «Отказать». После подобных отказов могли последовать и случаи побега ратников, которые уходили домой. Беглецов ловили и отправляли на прежнее место работы. Домой ратники могли попасть, как и обычные военнослужащие, только если при переосвидетельствовании их признают негодными к службе по болезни.

Подводя итоги, можно отметить, что меннониты переселяются в Россию при императрице Екатерине II, и только в конце XIX — начале XX вв. начинается их переселение в Сибирь, где образуются дочерние колонии. Не признавая воинской службы, меннониты отбывали общие сроки службы в мастерских морского ведомства, пожарных командах и в командах лесного ведомства, где они выполняли самые различные работы.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь : в 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 19. — СПб. 1896. — С. 93—96.
2. Вибе, П. П. Из истории меннонитов в России [Текст] / П. П. Вибе // Немцы Сибири: история и культура : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Ом. гос. ист.-краевед. музей. — Омск, 1993. — С. 42.

3. Черказьянова, И. В. Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири [Текст] / И. В. Черказьянова // Немцы. Россия. Сибирь : сб. статей / Ом. гос. ист.-краевед. музей, Сиб. фил. Рос. ин-та культурологии. — Омск, 1997. — С. 89—90.
4. Вибе, П. П. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири [Текст] / П. П. Вибе // Немцы в России: российско-немецкий диалог : сб. статей / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники, С.-Петерб. фил. б-ки Рос. акад. наук. — СПб, 2001. — С. 406—408.
5. Государственный архив в г. Тобольске Ф. 185. Оп. 1. Д. 300, Сведения о меннонитах, прибывших на работу в лесное ведомство. Л. 15.
6. Государственный архив Курганской области (далее ГАКО) Ф. 167. Оп. 1. Д. 194. Л. 211.
7. ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 37. Л. 23.
8. ГАКО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 185. Л. 59.
9. ГАКО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 194. Л. 172.
10. ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 37. Л. 19.

ЖАРОВА Анна Сергеевна, соискатель кафедры отечественной истории и документоведения.
Адрес для переписки: e-mail: anhenz@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.09.2009 г.

© А. С. Жарова

Книжная полка

Шамбаров, В. Е. Святая Русь против варварской Европы / В. Е. Шамбаров. — М. : Эксмо Алгоритм, 2011. — 560 с.

Российская империя родилась, вопреки общепринятому мнению, отнюдь не при Петре I, а при его отце «тишайшем государе» Алексее Михайловиче. Во второй половине XVII века Златоглавая Русь достигла вершин могущества и благосостояния, громила в войнах Польшу, Швецию, Османскую империю, Китай, значительно увеличила свою территорию, создавала национальную промышленность и высочайшую культуру, благодаря чему вошла в ряд самых сильных и развитых мировых держав. Но противоречие между средневековым религиозным сознанием простого народа и секуляризированным духом властной верхушки в ту пору не только достигло наибольшей остроты, но и привело к трагедии церковного раскола. Разрыв с русской национальной традицией, а также резкий и полный поворот в сторону Западной Европы создали такие противоречия в российском обществе, последствия которых сказывались вплоть до XX века. Чтобы узнать неведомую Русь, которую отверг Петр I и птенцы его гнезда, читайте новую книгу историка и писателя В.Е. Шамбарова.

История новой России : сб. очерков, интервью. В 3 т. — СПб. : Норма, 2011. — 1872 с. — ISBN: 978-5-87857-181-4.

Этот сборник — попытка при обсуждении истории новой России услышать не историков. Мы надеемся, что экскурсии в историю авторов сборника — бывших и действующих государственных деятелей, судей, банкиров, бизнесменов, юристов, экономистов, политиков, журналистов — окажутся полезными и историкам, и политологам, и всем тем, кто хочет получать знания из первых рук и сам отделять правду от вымыслов. Авторы исходят из понимания истории прежде всего как истории развилки — экономических, политических, ментальных, связанных с динамикой мировых цен, с принятием политических решений, с изменением жизненных установок широких слоев населения. Задача истории как общественной науки заключается в изучении этих альтернатив, анализе объективных условий принятия исторических решений, их реальных целей и имевшихся ресурсов. Такой подход ограничивает возможности исторических спекуляций, так как подводит под известные события твердую почву реальности.

Ключевский, В. О. Русская история. Специальное издание / В. О. Ключевский. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 400 с. — ISBN 978-5-373-03820-1.

Предлагаемое читателю издание подготовлено на основе курса лекций выдающегося русского историка В. О. Ключевского (1841 — 1911). Исследование ученого охватывает обширный период отечественной истории — от языческих времен до периода Великих реформ, проведенных в царствование Александра II (вторая половина XIX в.). Издание богато иллюстрировано, что поможет читателю нагляднее и ярче представить себе описываемые события, и рассчитано на всех, кому не безразлична история нашей страны.